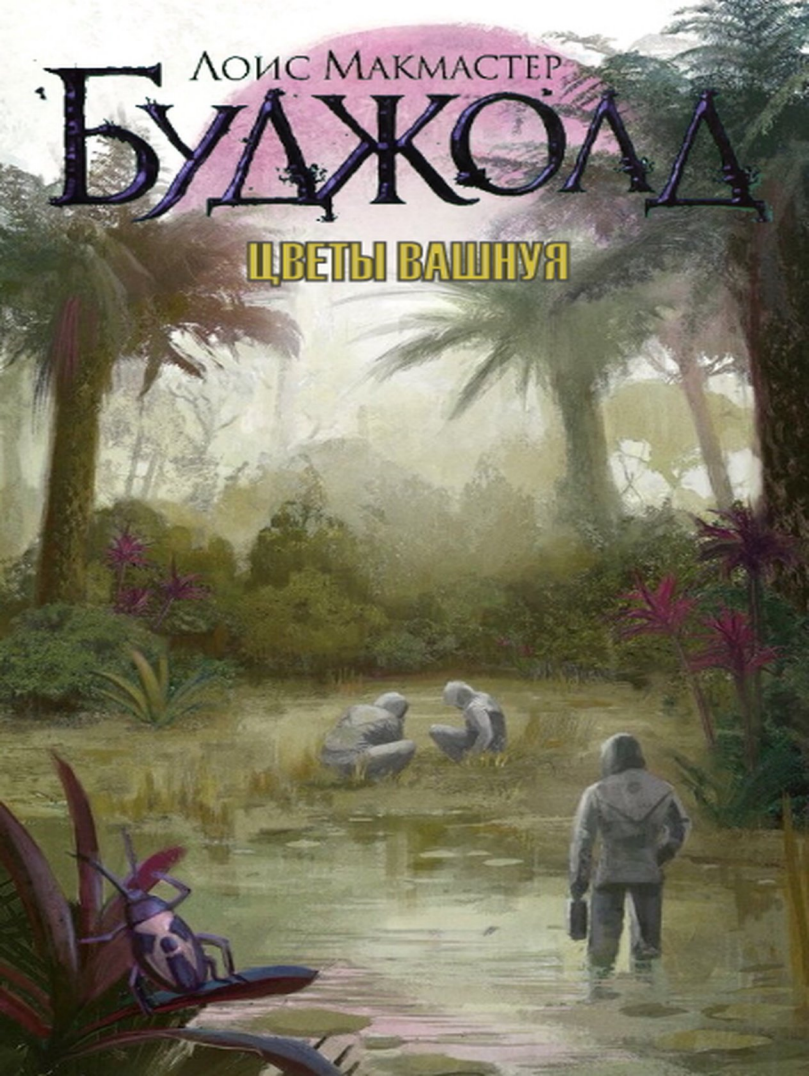
Лоис Макмастер

Буджолд

Цветы вашнуя



Цветы Вашнуя
Лоис МакМастер Буджолд

Аннотация

Лоис МакМастер Буджолд. Цветы Вашнуя

***

***

***

***

***

***

Аннотация

Лорд Форкосиган, прослышав о том, что масляные жуки, теоретически, могут бороться с радиоактивным заражением, одобрил проект для зоны Форкосиган-Вашнуй. Катриона разработала дизайн жуков со светящимся значком радиации на спинах.

Во все еще светящихся по ночам развалинах Вашнуя появляется пробный мини-полигон. Лорд и леди Форкосиган, доктор Энрике и местный егерь прилетают посмотреть, как справляются жуки.

С действием жуков все просто отлично, но проблема с самими жуками. Кто-то их похищает...

Лоис МакМастер Буджолд
Цветы Вашнуя

***

Аэрофургон заложил вираж. Вадим Самми, егерь-пилот из лесничества Округа, показал за широкое стекло кабины:

— Вот, леди Форкосиган, граница зоны отчуждения Вашнуй уже видна. Во-о-он… там.

Катриона вгляделась. Расчищенные поля и разбросанные тут и там фермерские усадьбы уже закончились несколько километров позади. Теперь под фургоном простиралось ничем не нарушаемое холмистое покрывало, сотканное из местной барраярской растительности — красно-бурого цвета — и завезенной земной — зеленой. Сплошь кустарники и деревья, между которыми изредка виднелись проблески бегущей воды, или куски луговины, или болото.

— А как вы это увидели?

Ее муж Майлз, нетипично молчаливый все время их получасового полета от Хассадара, столицы Округа, подался вперед между двумя передними креслами и пояснил:

— Там стоят предупреждающие знаки. На вкопанных столбах или прикрученные к стволам

деревьев — через каждые десять метров по всему периметру зоны, все двести километров. Одной из задач лесничества является обходить эту границу ежегодно, проверять окружающий уровень радиации и заново вешать знаки, которые рухнули вместе с деревьями или еще по какой-то причине.

— Мы перемещаем их вглубь территории на несколько метров каждый год, там, где можем, — сообщил Вадим. — Несколько метров — это уже кое-что.

— Что, одних только знаков достаточно, чтобы не пускать людей внутрь? — удивился Энрике Боргос, сидевший сзади рядом с Майлзом.

Доктор Боргос эмигрировал сюда с Эскобара. Обернувшись к нему, Катриона улыбнулась с легким сожалением и пояснила:

— Все дело в невидимости. Когда вы не в состоянии разглядеть опасность своими глазами хоть где-то, то видите ее повсюду. И ваше воображение рисует отраву даже там, где ее нет.

Энрике обдумал эту мысль, почесал нос:

— Лично я бы предпочел взять дозиметр.

Майлз пожал плечами:

— Много десятилетий подряд эти знаки работали. Для людей постарше, во всяком случае. Что

касается молодежи… мы сейчас обсуждаем, не поставить ли вокруг этих земель ограждение. — Он задумчиво моргнул. — Это в своем роде прогресс, я полагаю.

— Но, если проект Энрике окажется успешным, может, нам и ограждение не понадобится, — заметила Катриона. Майлз вздохнул и подтвердил:

— Ага. — И, выждав секунду, добавил: — Вадим, возьми немного выше и сделай для нас круг над городом. Вряд ли Катриона когда-либо видела Форкосиган-Вашнуй вблизи.

«Это верно». Несмотря на то что в хассадарской лаборатории она принимала непосредственное участие в работе над проектом, на место полевых испытаний она выезжала впервые. Майлз, любитель двойных стандартов, всегда нервничал от самой идеи подпустить ее близко к зараженной зоне, а Катриона до определенного предела была склонна ему потакать. Но некоторое время назад они этот предел миновали. Впрочем, своих детей они по общему твердому согласию решили оставить в Хассадаре вместе со знающей и умелой няней.

— Конечно, лорд Форкосиган, — отозвался пилот и начал набирать высоту.

Катриона разглядывала его профиль. Вадим

уже несколько недель работал вместе с Энрике на испытательном участке, но лишь сегодня она впервые познакомилась с ним лично. Лесничему было меньше тридцати: худощавый парень, выше среднего роста, гладко выбритый и коротко стриженный.

Его лицо казалось сейчас вырезанным из камня и грубо обтесанным — сплошные углы и плоскости, но карие глаза были не столь суровы, и в тревожащем присутствии лорда и леди Форкосиган в них даже притаилась неуверенность. Катриона знала, что Вадим служит в штате лесничества почти десять лет.

Как бы объяснить ему, что именно его преданность Округу уже привлекла внимание его лорда и ему не нужно зарабатывать репутацию в глазах Майлза с нуля? Что ж, Майлз сам с ним поговорит еще до вечера, без сомнения. Аэрофургон преодолел гребень длинного горного хребта, бегущего с северо-востока на юго-запад, и взгляду Катрионы вдруг открылось место, где раньше стоял разрушенный город Форкосиган-Вашнуй. Его границы она смогла различить лишь по излучине реки, которая некогда пересекала город, а также по неровному кольцу заросших растительностью холмиков несколькими километрами

далее — больше от разрушенных зданий ничего не осталось.

— Кажется, мне было лет десять, когда мой дед граф Петр впервые показал мне это место с воздуха, — припомнил Майлз, глядя в заднее окно. Двадцать пять лет назад, мысленно подсчитала Катриона. Тогда еще были видны такие здоровенные стеклянистые участки почвы там и сям, и якобы в темноте они светились голубым, но, возможно, последнее — лишь страшные байки у костра. Похоже, благодаря лесу и ветру теперь от них ничего не осталось. В дневном свете внизу сейчас ничего не светилось и не блестело, разве что случайные блики на поверхности реки.

— А насколько большой был город? — поинтересовался инопланетник Энрике, прижав ладонь к стеклу.

— Больше четверти миллиона жителей, — пояснил Вадим с интонацией туристического гида. Похоже, ему нередко приходится возить визитеров над зоной отчуждения и все им тут показывать. — Для тех времен, а это было вскоре после окончания Изоляции, весьма много.

— Да и по современным стандартам не так уж мало, — добавил Майлз. — Когда цетагандийцы сбросили на город атомную бомбу, в первые же

мгновения погибло более двухсот тысяч человек.

Еще полсотни тысяч умерли чуть позже, как говорили, в течение нескольких дней или месяцев, хотя здесь тогда царил такой хаос, что вряд ли кто-то подсчитывал точное количество смертей.

Этой трагедии исполнилось уже восемьдесят лет, с той поры миновало несколько войн, однако в сознании барраярцев именно цетагандийское вторжение до сих пор оставалось Войной с большой буквы, настоящей войной, суровым испытанием для всей Империи.

— В этот день в столице Округа находились почти все близкие родственники моего деда: его отец и мать, все выжившие к тому моменту братья, множество кузенов. Было назначено что-то вроде военного совета, я полагаю… Туда намеревался прибыть и принц Ури, но его задержала какая-то стычка севернее. Хотя, по мнению историков, вряд ли цетагандийская гем-хунта целилась персонально в него; их целью было уничтожить всех Форкосиганов скопом, кого смогут. — Губы Майлза Форкосигана мрачно сжались — Нельзя сказать, что у них не было для этого оснований.

Чему порукой стала вся последующая жизнь генерала графа Петра Форкосигана, которая бук-

вально потрясла мир. Катриона сама не знала, радоваться ей или сожалеть о том факте, что ее знакомство с Майлзом состоялось уже после того, как эта легендарная и устрашающая личность отошла в мир иной.

— Папа говорил, что никогда не видел, чтобы дед приносил поминальное возжигание для этой части своей семьи, — задумчиво произнес Майлз — Да и при мне он тоже никогда такого не делал, если подумать. Как-то я спросил его об этом — тоже примерно лет в десять, когда впервые заинтересовался этими событиями. А он ответил, что вот все это, — он обвел жестом местность, молчаливо простирающуюся внизу, — и так огромное возжигание, хватит и его.

Судя по тому, как поморщился Вадим, — именно так, точнее не скажешь. Может, и у их пилота здесь жили предки, которые сгорели в том приснопамятном гигантском погребальном костре и о которых ему рассказали родные лет в десять? Служба, которую он избрал, никогда не была чересчур популярной и не привлекала слишком много добровольцев.

— В любом случае, — продолжал Майлз, который долго молчать не привык, — после того как мы вышвырнули цетагандийцев с Барраяра и

война была окончена, вся эта зараженная зона в конце концов стала владениями деда. Личными владениями, а не тем, что ему положено в дополнение к графскому титулу, вроде дома в Хассадаре или нашего особняка в Форбарр-Султане. До бомбардировки Форкосиганы владели не всей этой территорией, поэтому он не мог бы ее наследовать напрямую и целиком; полагаю, дед выкупил некоторые участки у их владельцев, тех, кто остался в живых. Тогда это было что-то вроде способа поддержать очень гордых пострадавших людей деньгами. После своей смерти старик завещал всю зону отчуждения мне. Тогда, в мои семнадцать, у меня все еще был некоторый пунктик насчет, гм, моей внешности. — Он провел ладонью сверху вниз вдоль всего своего тела — небольшого, чуть ссутуленного, меньше пяти футов ростом. — Я не посчитал этот дар лестным, однако мне было понятно, что вряд ли мой отец застанет время, когда эта местность сделается обитаемой. Но теперь чем старше я становлюсь, тем меньше уверен, что понимаю, о чем именно тогда подумал мой дед.

«Если даже ты не понимаешь, я и предполагать не стану», — подумала Катриона. Но старик был бы воистину слеп, если уже тогда не смог раз-

глядеть, каким умным растет его единственный, искалеченный при рождении внук. И каким страстным. «Пылкий настолько, что раскален добела», — вот как однажды сказали про лорда Майлза Нейсмита Форкосигана. «Быть может, дорогой, Петр предпочел передать свои израненные земли в руки того, кто, как он считал, сумеет их удержать.

Может, он вовсе тебя не недооценивал». А может, она просто слишком глупо ослеплена своей любовью, слишком пристрастна для объективного суждения даже после четырех лет брака. Она улыбнулась и уставилась в окно, прослеживая взглядом русло реки к востоку от них.

Река лениво извивалась, унося свою долю загрязнений в соседний восточный Округ, где протекала полностью непригодной для питья, потом в необитаемую сейчас приморскую дельту и, наконец, в море, которое поглощало если не все, то почти все. «Может, теперь люди смогут вернуться жить в дельту. Посмотрим, на что способно это поколение Форкосиганов». Она выпрямилась в кресле и напряженно уставилась вперед; машина заложила еще один вираж и шла теперь прямо над хребтом, который, благодаря преобладающей здесь розе ветров, некогда спас

земли к западу от самого худшего.

— Что за черт? — Майлз вытянул шею и нахмурился. — Вадим, что за дрянь там внизу?

Лесничий повернул голову:

— Мусорная свалка, милорд.

Катриона проследила, куда они смотрят; фургон снизился.

— Не уверен, что одобряю подобное. Возможно, в пресловутом ограждении и есть смысл… хотя флайер-то оно не задержит.

— Вряд ли тут кто-то приземляется, милорд. Наверняка они выкидывают мусор на бреющем полете из задних дверей фургона или флайера.

— Логично, вот почему его так разметало. — Майлз нахмурился сильней. — Полагаю, никто от этого не пострадал. Но выглядит неподобающе, да.

— Что, прямо-таки тянет на оскорбление величества, не меньше? — переспросила Катриона, удивившаяся тому, как он внезапно рассердился.

— Хм… скорее, на осквернение могил.

Она прикрыла веки, соглашаясь. Да, Майлз прав.

Через несколько минут аэрофургон скользнул вниз и с глухим стуком приземлился на краю лужайки возле леса, не слишком отличимой

от прочего пейзажа вокруг. Все четверо принялись натягивать защитное снаряжение. Майлз и Катриона уже надели одноразовые скафандры поверх обычной одежды, а у Энрике с Вадимом были свои постоянные спецкомбинезоны. На руки — перчатки, на ноги — мягкие бахилы. Майлз с беспокойством приглядывал, как Катриона натягивает капюшон и запечатывает дыхательную маску — простой полуцилиндр из прозрачного пластика с прилаженным к нему фильтром. Она пронаблюдала в ответ со слегка насмешливым видом, как он послушно приладил свой собственный респиратор. В последнюю минуту, перед тем как выпрыгнуть из машины.

Майлз вспомнил про трость и натянул на ее наконечник две пары лабораторных перчаток, завязав их пальцы. Все проверили свои дозиметры и наконец-то вышли.

Кивнув на дозиметр на поясе Вадима, Катриона спросила:

— Есть предельное количество радиации, которое человек может безопасно получить за всю жизнь.

Это и ограничивает срок вашей службы на этой работе, лесничий?

Тот пожал плечами:

— Чем ты старше, тем меньше значения это имеет. И лечить с каждым годом умеют все лучше. Так что эта граница движется, и я намерен шагать вслед за ней, не переступая, как можно дольше.

— Если считать формально, — вставил Майлз, — я набрал свою предельную дозу уже на половине флотской карьеры. Нельзя принимать эту штуку слишком всерьез, не то она тебя заставит застыть на месте. В любом случае, сейчас умеют чистить гены.

Лесничий кивнул: вот такой гибкий взгляд на правила безопасности он одобрял. Его маленький сеньор двинулся к экспериментальному участку, и он — вслед за ним.

Нагнав обоих, Катриона уточнила у Майлза:

— И мне тоже стоит не волноваться насчет дозы радиации?

— Разумеется, стоит! — Он посмотрел на нее обеспокоенно. — Но вообще эти цифры как были установлены, так почти и не меняются.

И уже вполголоса он пробормотал:

— Кроме того, все эти штуки важны лишь тогда, когда ты намерен прожить достаточно долго и успеть состариться.

Майлз искренне считал, что не доживет до ста-

рости и вынужден поэтому жить быстро, хватаясь за любой опыт, чтобы это компенсировать. Стоит ли продолжать сейчас их нескончаемый спор на эту тему? И именно эта черта во многом делала Майлза самим собой. Наверное, не сейчас. Позже для этого непременно выдастся более подходящий случай, это она твердо решила. Катриона удовлетворилась коротким замечанием:

— Будь осторожен. Или я тебе задам.

И она увидела, как серые глаза мужа за стеклом маски прищурились в усмешке.

Слабое жужжание отмечало границу испытательной делянки — на краю рощицы был выбран квадрат со стороной в двадцать метров так, чтобы захватывать и заросли, и кусок лужайки. На каждом углу этого квадрата стоял генератор силового поля: они поддерживали барьер высотой в полметра и глубиной в метр под поверхностью земли, который ограждал участок и его важных, хоть и крошечных, экспериментальных обитателей. Катриона и Вадим перешагнули барьер, Энрике, слегка ойкнув, прошел насквозь, а Майлз, который сперва собирался барьер перепрыгнуть, оперся на трость и более осторожно переступил. Такого, чтобы колени внезапно подводили его, не случалось уже довольно давно, но сейчас опреде-

ленно не место и не время шлепнуться в грязь.

Катриона жадно оглядела в первый раз то самое место, где… она не могла определить его иначе, как «где работают мои рад-жуки», хотя вообще-то ее дизайн был не сравним по объему с тем, что вложил в их разработку Энрике. Но судят-то сперва по внешности! А первое впечатление — психологически самое важное.

— Вот он! — кончиком трости в импровизированном презервативе Майлз указал на красно-бурое барраярское растение (индюшкин сор, машинально опознала его та часть разума Катрионы, которая ведала ботаникой и садоводством) и отогнул стебель. В тени за ним сидело насекомое, продолжающее жевать лист.

Этот продукт биоинженерии был шести-семи сантиметров длиной и шестью ногами и жесткими надкрыльями походил на жука. Надкрылья, голова и ножки были глубокого, мерцающего пурпурно-фиолетового цвета. На спинке люминесцентно-желтым сиял легко различимый трилистник.

Именно сиял, с достаточной силой, чтобы бросать блики на затененный участок земли.

«Смотрится совершенно очаровательно», — отметила Катриона.

Даже до того, как ее стараниями жуки стали выглядеть получше, со стороны Майлза было совершенно нечестно обзывать их «рвотными жучками», а потом — когда они самым прискорбным образом разбежались по особняку — даже «чертовыми блюющими тараканами». У исходной версии — поколения, привезенного доктором Энрике Боргосом из эскобарской лаборатории, — было официальное название: «масляные жуки». Увы, с той лабораторией ему пришлось расстаться (если честно, из-за прискорбных ошибок в финансовом управлении). Нынешняя, барраярская, лаборатория в Хассадаре управлялась более мудро, и, что важнее всего, управлял ею не Энрике. Деньги не были его сильной стороной, вот наука — другое дело.

Сами по себе масляные жуки были просто мобильной самоподдерживающейся оболочкой, а вот в их кишечнике скрывался настоящий секрет — набор генноинженерных микроорганизмов, обрабатывающих любую органическую материю земного происхождения, которую жуки были способны прожевать. Они поедали растительность, непригодную в пищу человеку, и срыгивали съедобную и очень питательную массу вроде тофу. А еще они производили одно из лучших удобрений,

с каким садовница-Катриона когда-либо имела дело. Определенно, у них не было недостатков.

За исключением изначального внешнего вида, который кое-кто — Катриона покосилась из-под ресниц на мужа, который все еще вглядывался в тень под кустиком индюшкина сора, — находил омерзительной. А это еще более безосновательно, чем привычка судить о людях по внешности. Но затем по заказу прочих акционеров дизайном оболочки занялась Катриона, поэтому новые «пищевые» жуки, переименованные в «блистательных жуков», получились весьма привлекательными и очень популярными. А Майлз… постепенно переменил свое мнение.

Хотя темпы этого «постепенно» несколько увеличились, едва Энрике в порядке предположения упомянул, что жуки в принципе могут поедать зараженный радиацией материал, осаждать тяжелые металлы в виде похожего на глину вещества и срыгивать его в точке сбора, а испражняться уже чистой, плодородной почвой. Внезапно лаборатория обрела щедрое финансирование из личных средств лорда Форкосигана. А доктор Боргос, который, несмотря на свою молодость (ему еще тридцати не исполнилось), учился быстро, на этот раз с самого начала пошел

за разработкой дизайна к леди Форкосиган.

Она гордилась тем, какой мотив выбрала для их рисунка — это все же были рад-жуки, таково было их новое название. И именно она предложила (хотя реализовал эту идею Энрике) сделать на жуках встроенные предупреждающие сигналы, светящиеся тем ярче, чем больше жук наберет радиоактивного содержимого. Биолюминесценция делала мгновенно понятным, насколько безопасно брать их в руки и стоит ли вообще.

— Боже правый. Как-то… оно пугает, — пробормотал Майлз, уставившись на сияющих жуков.

— О, зато работает! — Взволнованная Катриона склонилась пониже, чтобы разглядеть жуков, а Майлз, напротив, выпрямился. Жуки же продолжали безразлично жевать, не реагируя ни на какие эмоции наблюдателей.

— Ага! — выкрикнул Энрике.

Катриона с Майлзом быстро подошли туда, где ученый склонился над крошечной горкой тускло-серых катышков. Энрике отцепил от пояса дозиметр и провел им над кучкой. Недовольное ворчание приборчика внезапно взмыло до высоты писка и громкости хорошего вопля.

— Ух ты! — восхитился Энрике, торопливо регистрируя показания. — Да эта штука горячая!

Майлз кинул из-за его плеча взгляд на дисплей — Энрике услужливо наклонил прибор в его сторону; при виде показаний его брови изумленно полезли на лоб, и он подтвердил:

— Чертовски.

Энрике выпрямился.

— Похоже, нам придется взяться за проблему сбора и удаления отходов раньше, чем мы думали.

Вообще-то мы здесь имеем дело с пущенным вспять стандартным методом очистки: обычно концентрацию уменьшают до тех пор, пока раствор не сделается безопасным — ну, совсем или почти — для нормальной среды. А в нашем случае концентрация повышается.

Он сходил за садовым совком, опустился на колени и взял образец, тут же поместив его в банку в свинцовой оплетке, чтобы отвезти в лабораторию для дальнейших анализов. Банка была вручена Вадиму, который сразу и со всей осторожностью отнес ее в закрытое отделение фургона.

— Признаюсь, — прокомментировал Майлз, внимательно наблюдавший за всей этой сценой, — больше всего мне хочется упокоить эту дрянь окончательно, запустив ее на орбиту, а

затем по траектории, уходящей в солнце. Единственное, что умеряет это желание, — мысль о какой-нибудь ужасной транспортной катастрофе по дороге. Нет, лучше поместить ее в контейнер и утопить в наиболее сейсмически активной подводной зоне планеты. Это и безопасней, и дешевле. По крайней мере в барраярских морях не добывается ничего съедобного для человека.

— Пока — нет, — вставила Катриона, — но я знаю, есть проекты в стадии разработки.

— Ну, если мы так и будем ничего не делать, как это происходило последние восемьдесят лет, это все так или иначе окажется в море. Просто убрать всю эту дрянь подальше от берега — это уже изменит ситуацию к лучшему.

— Майлз, я бы предложил подождать с окончательным решением до дальнейших тестов, — вставил Энрике. — Смотря по тому, какое окажется профильное соотношение прочих тяжелых металлов, эти отходы могут найти и коммерческое применение. Мы даже сможем получить рыночный продукт. Уже сейчас концентрация куда больше, чем в любом природном месторождении.

— Что за «прочие» тяжелые металлы? Я думал, мы охотимся в основном за остаточным

стронцием, цезием и самарием. Ну и чертовым плутонием, им цетагандийцы оснастили свою бомбу намеренно, к возмущению не одних только барраярцев, но и прочих государств.

— Первый образец, который я взял на прошлой неделе, имеет все вами перечисленное в изобилии.

Но также там есть следы кое-чего неожиданного, например, платины.

— Платины? — изумился Майлз. — Каким образом масляные жуки — пардон, рад-жуки — отыскали тут платину?

— Очевидно, подобрали атом за атомом. Энзимы, ну, знаете. — Во взгляде Энрике возникла уже знакомая отрешенность. — И это дало мне идею насчет обогащения отходов золотых приисков. Ну, эти отвалы при старых, неэффективным способом проводимых разработках. Уверен, что бы у вас тут ни было в распоряжении во времена Изоляции, это «что-то» было чертовски неэффективным. Уже известно, что в этих отвалах металла достаточно, но прежде не было безопасного и экономически выгодного способа его извлечь. Если бы я мог разработать специальную форму для жуков-бурильщиков… или червей… в общем, чего-то такого, то они бы могли… Хм.

— Поговори с Марсией, — посоветовал Майлз. — Или с Марком. Кажется, это по их части. А я просто хочу… — Он замолк, вглядываясь сквозь удлиняющиеся тени раннего вечера в низкорослые деревья.

Воздать погибшим вассалам своей семьи? Еще раз доказать покойному деду, что его внук чего-то стоит? По мнению Катрионы, за этой целью Майлз был склонен гнаться бесконечно. Но, в любом случае, она присоединилась к нему, когда он принялся вышагивать по периметру делянки, задумчиво пожевывая губу под маской и меряя взглядом окружающий ландшафт — такой прекрасный и такой смертоносный.

— Боже правый! — вдруг воскликнул Энрике, и оба поспешили обратно к нему. Ученый подобрал ветку и тыкал ею в рад-жука как минимум вдвое длиннее тех, которых они видели раньше под кустом индюшкиного сора. Жук сжался в комок и издавал тихое сердитое шипение.

— Это случайно не их королева, нет же? — с беспокойством поинтересовался Майлз.

— Нет-нет. Все рад-жуки — стерильные рабочие особи. Но они то и дело линяют и увеличиваются в размерах всю свою жизнь. Предполагается, что когда они достигают конца жизненного цикла, то

возвращаются к месту сбора отходов и умирают там. Одна из задач, ответ на которые мы должны получить на этом участке, — это как долго средняя особь может выжить в полевых условиях. Я ожидал, что несколько из них к настоящему моменту уже погибнут, хотя, конечно, отдельные насекомые могут оказаться особенно устойчивы к радиации…

Он прищурился, явно рисуя перед своим мысленным взором нечто. Или отсутствие чего-либо. Потом подошел к ближайшей кучке отходов и поворошил ее своей веткой. Нет, среди свинцового цвета горошин не мелькнуло ни единого пурпурного кусочка.

С рассеянным видом он отошел обследовать еще несколько кучек отходов, разбросанных по участку.

Майлз встревоженно пошел за ним.

Наконец Энрике поднял взгляд от последней кучки и натянуто улыбнулся.

— Я тут подумал, не могли бы вы трое мне в этом деле помочь? Разойдитесь по разные стороны участка и пересчитайте жуков, которых увидите. Только обязательно загляните под листья, куски дерева и всякое такое.

Майлз, Катриона и Вадим послушно исполни-

ли поручение; сам Энрике взял на себя дальний угол делянки. Тут Майлзу весьма пригодилась его трость: нескольким жукам не удалось от него укрыться ни под гниющими кусками дерева, ни под лиственным мусором, и, обнаруженные, они поползли прочь, переливаясь фиолетовым с золотом.

— Двадцать девять, — доложил Майлз.

— Семнадцать, — сказал Вадим.

— Двадцать три, — прибавила Катриона и покосилась на Энрике: губы у того все еще двигались, как если бы он что-то считал про себя.

— Двадцать шесть, — завершил он наконец.

— Всего девяносто пять, — подытожил Майлз, который всегда был быстр в устном счете. — Это хорошо или плохо?

— Ну, это, э-э… озадачивает. Потому что на прошлой неделе я выпустил тут ровно две сотни штук.

Майлз под респиратором медленно и глубоко втянул воздух сквозь зубы.

— Энрике!.. — Он с видимым усилием обуздал вспышку ярости — его темперамент проявлял себя всякий раз, когда дело касалось жуков. Прошлый опыт, увы. — Могли ли они перелететь через барьер?

— Нет! У них нет крыльев! — Энрике пальцами в перчатке подхватил с земли не самого ярко светящегося жука и развернул его надкрылья, чтобы показать, что под ними прячутся лишь рудиментарные, непригодные к полёту крылышки. Майлз подался назад — но лишь самую малость.

— Но если они не летают, то, может, умеют карабкаться? — предположила Катриона.

Все четверо задрали головы, вглядываясь в низкорослые деревья, точно зеваки в Зимнепраздник, разглядывающие картины фейерверка. Но и там не мелькало никаких золотых искорок.

Майлз развернулся на месте и нахмурился, глядя на ящики по углам делянки.

— А не может ваш барьер, ну, я не знаю, исчезать на ночь и восстанавливаться потом?

— Маловероятно, — ответил Энрике.

— Почему бы нам по-быстрому не оглядеть все вокруг огороженного участка? — предложила Катриона.

— Если мы найдем хоть одного жука за пределами силового барьера, это как минимум докажет такую возможность.

Возможность чего именно, она не уточнила, но цели своей добилась — Майлз отошел от Энрике и с ворчливым «хм-м» присоединился к остальным.

Щурясь, их патруль обследовал деревья вокруг делянки. В конце концов жукам трудно было бы удачно спрятаться, учитывая их встроенные сигнальные огни.

Катриона как раз задумалась, насколько быстро жуки могли бы расползтись по окрестностям, и мысленно делала бесплодные подсчеты, когда голос Майлза заставил ее поднять голову:

— А это что за черт?!

Майлз стоял в нескольких метрах поодаль, вглядываясь в тенистое переплетение деревьев. Сперва он показал вперед подбородком, затем сам сделал несколько прихрамывающих шагов в ту сторону — и при этом чуть не споткнулся о корень. Катриона поспешила к нему.

— Что ты видел?

— Какая-то светлая фигура. Метнулась обратно в заросли.

— Дикое животное? — Одичавшие собаки, кошки, свиньи, козы, куры, олени, лошади, черно-белые крысы и прочие беглецы из человеческих поселений. Было известно, что они бегают в барраярской глуши или как минимум в тех областях, где успели укорениться растения земного происхождения, поскольку почти вся барраярская растительность была несъедобна для уроженцев

Земли, в том числе для людей. Так что дикая популяция, как правило, голодала и редела. При мысли о голодных одичавших курах, которые определенно умеют летать или хотя бы вспархивать на полметра высоты силового экрана, у Катрионы родилась новая и весьма тревожная гипотеза насчет судьбы исчезнувших рад-жуков. Если они включатся в пищевую цепочку, это будет ужасно. Хотя люди в Округе Форкосиганов весьма осторожны с пищей, прежде бегавшей где-то на воле; по крайней мере сейчас, когда дозиметры дешевы и их стало достаточно много, чтобы можно было раздавать бесплатно.

— Слишком высокая фигура. И тихая. — Майлз несколько раз зажмурился и поморгал. — Нет, я же не видел…

— Чего именно ты не видел? — настоятельно переспросила Катриона, когда он замолк.

— Не видел прямо сейчас лесного эльфа! — отрезал Майлз твердо. Хоть и вполголоса. И то ли подчеркнул, то ли, наоборот, поставил под сомнение этот уверенный тон тем, что несколько раз стукнул тростью по куче опавших листьев. Потом повысил голос: — Вадим!

Широкими шагами подошел рослый лесничий, поднявшись из лощины.

— Милорд?

— Я видел, как в том направлении двигалось нечто странное. — Майлз указал тростью.

Вадим повернул голову:

— Там ничего нет, милорд.

— И все же. Сходи на разведку и скажи, если что-то заметишь.

Лесничий послушно откозырял ему и скрылся в растущей тени. Катриона подумала, что в сумерках сияющих жуков найти должно быть даже легче, но она не видела ни одного.

Вадим вернулся через несколько минут и доложил:

— Я ничего не обнаружил, милорд.

Майлз насупился.

— Может, это вам показалось? Небольшая галлюцинация? Говорят же, что сумерки любят шутить с человеком шутки, — подсказал Энрике.

— У меня уже бывали галлюцинации, — отрезал Майлз коротко. — Я знаю, как они выглядят. Не… не так.

— Аллергия на препараты, — поспешила объяснить Катриона в ответ на изумленный взгляд лесничего.

Но Майлз, насколько она знала (а знала она точно), никакие из этих препаратов сейчас не

принимал.

Энрике медленно обернулся кругом, щурясь и вглядываясь в густеющие сумерки.

— Не пойдет. Мне нужно больше данных.

— Но не сегодня вечером, сэр, — твёрдо заявил лесничий. — Нам пора уезжать. — Он многозначительно постучал пальцем по дозиметру.

И вся компания без особого желания позволила себя препроводить в фургон.

***

На следующее утро Катриона вернулась на делянку вместе с Энрике — помочь ему собрать те самые дополнительные данные. Ради этого не стоило отрывать лесничего от дел и добавлять ему новую дозу облучения, а Майлзу в это самое время пришлось заседать на совещании в Хассадаре, так что они с эскобарцем полетели вдвоем и добрый час сами развешивали камеры-регистраторы на деревьях.

— Надо было мне заранее об этом подумать, — проворчал Энрике, когда она вручила ему последнюю камеру из целой связки дешевых коммерческих моделей, оптом купленной вчера вечером в городе.

Майлз предложил было одолжить самую лучшую и точную аппаратуру в СБ, но Катриона скромно заметила, мол, это все равно что стрелять из пушки по воробьям. Майлз же не умел мыслить скромно в масштабах меньших, чем бюджет целого Округа.

— А откуда тебе было знать? — возразила Энрике Катриона. — В любом случае, первые полевые

испытания для того и нужны, чтобы выявить, какие вообще есть проблемы.

По наручному комму Энрике вызывал свою напарницу, сидящую сейчас за сто километров отсюда, в Хассадаре, в безопасной лаборатории.

— Марсия, сигнал есть?

— Да, зафиксирован, — отрапортовала она жизнерадостным голосом. — И вы отлично разместили камеры: обзор теперь накрывает весь участок. Приближение дает очень четкие детали — я даже лапки жукам могу пересчитать. И сравнить их яркость.

Энрике довольно кивнул и со вздохом спустился с приставной лестницы. Катриона отнесла ее в огражденный колышками загончик, добавив к разрастающейся куче инструментов и оборудования, которое им придется бросить в зоне отчуждения.

— Если выяснится, что наши похитители жуков — одичавшие куры или крысы, — заметила она, вернувшись, — можешь ли ты в принципе сделать так, чтобы следующая партия стала для них особо невкусной?

— Вообще-то они и так не слишком аппетитны, — ответил Энрике, — но да, это будет всего лишь банальная модификация. Хотя для этого

нам, наверное, придется закупить в лабораторию несколько живых кур и протестировать все варианты на них. Вот еще одна вещь, о которой мне стоило давно поразмыслить. Но я сосредоточился на калибровке микробного набора.

— Чего от тебя и ждали. Майлз очень доволен тем, какой высокой концентрации вещества ты добился.

Энрике просветлел.

— Да! А теперь, наверное, пора разрабатывать схему для роботов-сборщиков.

— Ну, мы уж точно не можем отправить на уборку радиоактивных отходов бригады простолюдинов с лопатами. Это даже для Периода Изоляции было бы чересчур. — Она помолчала и прибавила: — Хотя удаленно управлять машинами-сборщиками они могли бы. Вот еще одна неплохая работа для подданных Округа. Если так можно будет запустить систему быстрее…

Энрике кивнул:

— Я думал, мы научим жуков откладывать испражнения в ячейки решеток, которые потом можно будет подобрать и унести. Так, как было с клетками у первой версии, масляных жуков. Давай-ка еще раз пересчитаем их…

Они поделили делянку на части, чтобы обсле-

довать ее тщательнее, чем было во время грубого подсчета прошлым вечером. В результате они недосчитались всего трех штук, зато и запаса (или стада) в сотню жуков ни в каком укромном месте тоже не обнаружили.

Энрике досадливо поджал губы:

— Наверное, следующую партию надо будет пометить индивидуальными номерами. И, может, встроить в номерные ярлыки что-то вроде маячка.

Прикреплять крошечные ярлычки к жукам — скучная задача, хорошо бы было ее препоручить какому-нибудь лабораторному технику, но Катриона только согласно кивнула.

— Так… сводку по растительности ты уже собрал?

— А-а, — после небольшой паузы отозвался Энрике. — Хорошая идея.

Катриона, которая как раз собиралась попросить дать ей взглянуть на результаты, посмотрела на него с легкой укоризной.

— За эти восемьдесят лет ту часть загрязнения, которую просто могли бы смыть дожди, они по большей части и унесли. А все оставшееся теперь заперто в биоте или в подпочвенном слое. Было бы полезно выяснить, какие именно растения

вытягивают из подпочвы больше всего радиоактивных веществ. И какие растения предпочитают есть жуки, если у них вообще есть предпочтения. Если окажется, что существует оптимальная комбинация того и другого, можно будет ускорить темпы очистки, засеяв зону именно этими видами.

— Тогда мне понадобятся еще люди…

— Или ты сможешь получить помощь в Окружном колледже Хассадара, — подсказала Катриона. — Факультеты ботаники или агрономии, любой из них ухватится за твой проект обеими руками. — А если подумать, то ведь какие-то ботанические обзоры этой территории уже должны были составляться ранее, кем-то и когда-то. — Она знала, что лесничие постоянно вели актуальные карты радиационного заражения, но эти замеры можно делать с воздуха. Значит, следующая остановка — Хассадарский колледж.

— Но мы же прежде хранили наш проект с рад-жуками если не в строжайшей тайне, то почти, — сказал Энрике — Как сказал твой муж, чтобы не давать ложных надежд.

«Или не порождать ложных страхов».

— Мне кажется, большую часть надежд питал он сам, но ты прав. Однако вскоре мы сможем не

делать из них секрета. Наверное, — осторожно поправилась она. — Все проекты в округе ведут конкуренцию за ресурсы. И Майлз говорит, что лучшее решение проблемы — это увеличить объем ресурсов.

Она двинулась бок о бок с Энрике по периметру делянки в последний обход — в поисках жуков, чего-то пропущенного ранее или просто новых идей.

— А что Майлз собирается делать с этими землями дальше? — спросил он, когда они повернули обратно к машине. — Не то чтобы проект с раджуками не был интересен сам по себе, как чистая и одновременно прикладная наука. Но непохоже, чтобы ваша провинция была перенаселена даже сейчас — Марсия говорила, уже многие десятилетия люди уезжают отсюда в столицу, а теперь еще и эмиграция на Зергияр. Почему бы просто не оставить все как есть, в живописном виде?

— Для любования издалека? На веки вечные? — сухо парировала Катриона.

Энрике пожал плечами.

— Это далеко не единственное пустое место на планете, никем не населенное и непригодное для проживания. Сельское хозяйство? Оно уходит в прошлое. Промышленное производство пищи и

волокон куда более эффективно. И ваши города растут.

— Не всем хочется жить в пластбетонных коробках. — Например, самой Катрионе совершенно не хотелось. — И даже промышленное производство биопродуктов требует органического сырья.

— Да, но вряд ли вам удастся продать то, что произведут здесь. Даже после очистки тут, наверное, сохранится остаточная радиоактивность. Так что, как говорится, еде — отказать. Волокна… ну-у-у…

Он с сомнением наморщил лоб.

Катриона, слегка стесняясь, пояснила: — Это всегда были самые плодородные земли на континенте. Я думаю, первым их применением после возрождения может стать промышленное разведение цветов. — Она так и видела их мысленным взором: целые акры роскошных лепестков, реки цвета. И больше рабочих мест для местных жителей.

— О! — Энрике заморгал. — Да, это может выйти неплохо.

— Даже если это место станет просто парком, то таким, где люди смогут гулять без защиты, может, ставить палатки и не думать о дозиметрах. Нам нужны открытые пространства. Наши собствен-

ные пространства, поросшие зеленым и бурым.

— Так, значит, сад? На две сотни километров вокруг?

— Быть может. — Катриона улыбнулась.

— Амбициозная идея.

— Майлз, — чопорно прокомментировала она, — твердо считает, что нельзя искусственно ограничивать ничьи горизонты.

— Я уже слыхал кое-что из его, э-э-э…

— Разглагольствований? — подсказала Катриона.

Он благодарно кивнул ей с видом «заметь, это ты сказала, а не я» и прибавил: — Полагаю, поэтому мы все и оказались здесь.

— О, ты и понятия не имеешь…

***

Энрике позвонил раньше, чем Катриона того ожидала — а именно утром на следующий день, в тот самый момент, когда она пыталась впихнуть в двух маленьких детей завтрак. В этом ей помогал Майлз, ну, типа помогал — потому что близнецам оказалось куда интереснее не есть свою еду, а бомбардировать ее кусочками кошек хассадарского графского особняка, шнырявших под их высокими стульчиками. Это было занятие более увлекательное и косвенно связанное с военными делами, так что Майлз позволил себе на него отвлечься.

— Бери его в «вилку», вот так, Элен!

Много хихиканья и визгов, но маловато прожеванного и проглоченного. Зато три перекормленные кошки встречали эту манну небесную экстатическим мурлыканьем. Вроде бы двое родителей на двоих детей — равные силы, но порой Катриона была не совсем уверена, за чью команду играет лорд Форкосиган.

С выражением лица, в котором смешались раздражение и улыбка, Катриона попятилась из

зоны боевых действий, поднося к губам наручный комм.

— Да, Энрике?

— Катриона, мы ждем тебя в лаборатории прямо сейчас!

— Что-нибудь неотложное?

— Да!

Его перебил голос Марсии: — Кое-что произошло, но, разумеется, не прямо сейчас. А прошлой ночью. Так что даже если ты побежишь сюда немедля и со всех ног, сделать с этим ты уже ничего не сможешь.

— Марсия, — Катриона привычно обратилась к гласу разума в этой паре, — что у вас происходит?

— Прошлой ночью наши видеокамеры зафиксировали похитителя жуков.

— Ага! Это были куры?

— Нет…

— А кто же?

— Трудновато объяснить на словах. Тебе надо это самой увидеть.

Майлз, который прислушивался к разговору, поднял голову и жестом поманил Катриону к себе:

— Судя по голосу, Марсия озадачена. Так что

это, наверное, срочно. Отправляйся туда. Здесь у меня все под контролем. До заседания этого чертова комитета еще целый час, да и идти туда всего пять минут пешком через Хассадарскую площадь.

В столовую, допивая на ходу кофе, вошла Ори Пим, которая этим летом во время своих каникул в колледже была няней при малышах.

— Нужна помощь, леди Катриона?

— Да, — отозвалась Катриона благодарно. — Ради всего святого, впихни в эту парочку немного протеинов. — Она показала подбородком в сторону стола, где игра была в самом разгаре. — А то потом об этом будет жалеть не только он.

— Все понятно, — улыбнулась Ори.

В спину выходящей Катрионе донесся сдавленный смех, перемежаемый то и дело лицемерным мяуканьем («котика не кормят, котик вот-вот умрет от голода!») и одобрительным отцовским.

«Отличное попадание, Александр!». Так что она не почувствовала себя совсем уж матерью-ехидной.

***

Из центра Хассадара до лаборатории был один короткий перелет на флайере. Лаборатория разместилась на территории бывшей скудной на урожай фермы, которую ее прежние обитатели оставили, переехав на более плодородные (как надеялась Катриона) земли Зергияра. В любом случае, для своего нового предназначения старая ферма подходила отлично. «МПФК Энтерпрайзес Лаборатория Один», гласила официальная табличка на воротах, хотя как Карин, сестра Марсии, назвала ее Жучиным Ранчо, так это название к языку и приклеилось.

Катриона миновала новый бревенчатый сарай, в котором размещались экспериментальные клетки с жуками, и направилась прямо к, так сказать, главному зданию — бывшему дому фермера. Более впечатляющую штаб-квартиру планировалось выстроить «когда-нибудь позже, когда дел будет поменьше». Энрике и Марсия сидели в бывшей столовой, которая сейчас служила временным офисом и центром связи.

Катриона взмахом руки поприветствовала

Марсию Куделку-Боргос — высокую, белокурую и деятельную женщину под тридцать.

— Привет, Марсия. Ну, что тут у вас за великая загадка?

— Новая загадка, я бы сказала. Пойдем, посмотришь.

Энрике сидел за комм-пультом и, хмурясь, изучал ряд записей, в которых Катриона узнала виды на полевую делянку, снятые под разными углами.

— Вот, я пролистаю все к началу. Прошлая ночь, сразу после того, как стемнело.

Он обработал изображения, чтобы скомпенсировать низкую освещенность, хотя отчасти пострадали цвета и разрешение.

Катриона склонилась над его плечом.

Странная хрупкая фигура осторожно перешагнула силовой барьер, попав в фокус камеры. Этот некто был одет в штаны, которые ему были велики на пару размеров и подвязаны веревочным поясом на узкой талии, и старую черную футболку. Его тощие руки по контрасту с футболкой буквально сияли белизной — у него была не просто светлая или незагорелая кожа, но почти белая, как бумага. Когда он посмотрел наверх, камера показала отчетливое изображение такого

же белого худого лица в обрамлении легких как пух белых волос, подстриженных так, словно для этого ему кто-то надел на голову горшок.

— Останови кадр! — скомандовала Катриона. — И увеличь.

Глаза у неведомого создания были бледно-голубые. А уши — определенно заостренные.

— Бог ты мой, вот он, майлзовский лесной эльф!

— Майлзовский кто? — изумилась Марсия.

— Вообще-то это существо — альбинос, — вставил Энрике тоном дружеской научной поправки.

— Да-да, вижу. Но Майлз позапрошлым вечером заметил, как в сумерках кто-то перемещался, кто-то, кого Вадим не смог обнаружить, — и он сказал, что этот «кто-то» похож на лесного эльфа. И боже мой, он действительно похож!

Вдобавок ко всему Майлз испытает большое облегчение, узнав, что его видения не были предвестником каких-нибудь неврологических проблем. Но, конечно, он будет обескуражен не меньше, чем оказалась она сама.

На замороженном кадре было отчетливо видно, что этот эльф — мальчик. Опытным материнским глазом Катриона оценила его возраст где-то

между рослым одиннадцатилеткой и недомерком лет четырнадцати: он еще не брился, но уже начал стремительно вытягиваться в росте, хотя полностью еще не вырос. Примерно столько лет было сейчас ее старшему сыну от первого брака, Никки.

Энрике, взглядом спросив у нее разрешения, снова запустил запись, и фигура пришла в движение.

Мальчик положил на землю мягкий тряпичный мешок, висевший у него на плече, извлек оттуда литровую стеклянную банку и отвернул с нее металлическую крышку с дырками. Затем он прошелся по делянке, отбирая самых ярко сияющих жуков, и покидал их в банку.

— Он же без перчаток! — взвизгнула Марсия.

— Да он даже босиком! — тем же перепуганным тоном вторила ей Катриона.

Энрике выпрямился в кресле.

— Хм, а вот этого я при первом просмотре не заметил. Но он крадет наших жуков, этот маленький, этот юный правонарушитель!

Посадив в банку с десяток ярко сияющих жуков, которые ползали друг по другу и превращали свое узилище в мигающий золотым и пурпурным фонарь, мальчик нагнулся, сорвал с кустов

несколько листьев, напихал их в банку и завернул крышку. Затем он подобрался к открытой загородке и последовательно сложил в свою сумку кое-что из оставленного там инвентаря, придирчиво изучая каждый инструмент.

— Эй, смотрите, еще он крадет все наши вещи! — добавила Марсия.

Это были всего лишь дешевые инструменты, которые они планировали использовать в зараженной зоне и затем бросить там, но мысль не о самих инструментах как таковых, а об их потенциальной радиоактивности заставила зашевелиться волоски на затылке Катрионы. И она не понимала, почему мальчик потратил столько времени на выбор — ведь все, что он брал в руки, в конечном счете отправлялось в его сумку, разве что кроме стремянки, явно оказавшейся слишком большой, чтобы ее унести. И все же он опробовал и ее, разложил — хотя явно не знал, как закрепить страховочную цепочку, — и несколько раз по ней полазил вверх и вниз, спрыгивая каждый раз со все более и более высокой ступеньки. К счастью, во время этой игры стремянка под ним не сложилась. Затем он прислонил ее к дереву и вскарабкался наверх, чтобы осмотреть поближе одну из крошечных видеокамер. Он постучал по

ней, подергал, но не смог сорвать ее с крепления; затем он явно на пробу ее лизнул. Запись показала крупным планом его потрясающие голубые глаза и длинный язык.

Но потом изображение с этой камеры шло довольно смазанное.

— Фу-у-у, — с отвращением протянула Марсия.

Наконец устав от этой не поддающейся ему вещи, мальчик слез на землю, отнес лестницу обратно в загородку и удалился.

— Но как он проделал весь путь? — задумался Энрике. — К нашему испытательному участку не ведет никаких дорог, даже заброшенных. И он определенно слишком юн для прав на вождение флайера или воздушного мотоцикла.

— Деревенские жители в Округе, особенно в горах, не слишком заботятся о таких городских штуках, как водительские права и допустимый возраст, — обтекаемо заметила Марсия.

Катриона изучила записи, прослеживая мальчика то на одном кадре, то на другом.

— Будь у него транспортное средство, он бы, наверное, забрал лестницу. Похоже, она ему очень понравилась.

Но какой же странный выбор игрушки… Не то, чтобы дети в этом смысле не поступали странно

— например, отбрасывают в сторону игрушки и играют с коробками — но этому мальчику лестница была явно в новинку, словно он не встречал ничего похожего прежде. И почему, спрашивается, он не воспользовался ни одним из инструментов, чтобы снять видеокамеру, явно более ценный предмет?

— Должно быть, он прошел весь путь пешком, — заключила она.

— Весь путь до участка? Босой? И — кстати, откуда? — неверяще переспросил Энрике.

Катриона едва сдержала улыбку.

— В глуши люди до сих пор путешествуют на своих двоих. И не просто ради физических упражнений, а именно затем, чтобы попасть туда, куда им нужно. — Пешком — или верхом. Катриона смерила взглядом тощую, нагруженную вещами фигурку, переступающую через силовой барьер. Одной рукой мальчик тащил свой мешок, другой прижимал к себе светящуюся банку. — Как и верхом на лошади, — рассудительно допустила она.

— Но он уносит наших жуков! — простонал Энрике. — Для чего они ему? Он хочет получить выкуп? — Экспрессивное выражение его физиономии ясно говорило, что он не посчитает никакую цену чрезмерной, чтобы их вернуть в

целости и безопасности.

— Он же просто ребенок, Энрике, — возразила Катриона, и тут ей пришло в голову новое и еще более пугающее соображение относительно мальчика. Может ли хоть кто-то на Барраяре, даже ребенок, даже из захолустья, не знать, что обозначает этот желтый трилистник? Но если да, что, если он взял смертоносных жуков просто потому, что посчитал их красивыми?

— Ребенок-мутант, это так, — уточнила Марсия. — Как думаешь, не может ли кто-нибудь заставлять его забираться в зону отчуждения и красть оттуда вещи?

О да, мысли Катрионы был далеко не так ужасны, как это предположение.

— Он выглядел… довольно заинтересованным. Жизнерадостным. Тощим от физической нагрузки, а не от голода. — И на нем не было синяков или иных отметин дурного обращения, а они были бы заметны на белой коже. Ну, по крайней мере на руках, голове и шее. Несколько царапин — обычная плата для любого, кто лазит через заросли без плотной верхней одежды. Хотя конкретно сквозь эти заросли стоит соваться лишь в защитном костюме. — Я подумала, ведь удерживать людей подальше от зоны отчуждения — главная задача

лесничества? Нам стоит поговорить с Вадимом.

Марсия тут же набрала номер лесничего, но выяснилось, что сегодня у того, по-видимому, выходной, поскольку он не ответил на звонок и не перезвонил в ответ сам.

— Выходной? А я и не знал, что у него они бывают, — слегка озадаченно произнес Энрике. Удивление его было непритворным: сам он вообще не делал перерывов в работе, по крайней мере запланированных перерывов; его время делилось на загруженное делами и очень загруженное — как и ее собственное, печально подумала Катриона. Хотя его жена Марсия периодически вытаскивала его из лаборатории, это было для нее дело принципа. Катриона виновато подумала, не должна ли она сама почаще делать подобное для Майлза, но их совместный отпуск обычно заканчивался новой порцией того, от чего ты этот отпуск брал. Проще было не мешать Майлзу и не дергать, пока он сам не свалится, как это в конце концов и случалось. Она старалась не проводить мысленные параллели между ним и гиперактивными двухлетками.

— Ты прилетела на собственном флайере? — уточнил Энрике у Катрионы.

— Да, но… даже если мы полетим туда на нем,

сесть-то не сможем. Или как минимум нам придется на обратном пути остановиться на посту лесничества для обеззараживания, — уточнила она. Похоже, подхватила педантизм мышления, свойственный Энрике.

Но от этого довода Энрике отмахнулся, как от пустяка.

— Вор явно возвращался туда несколько раз. Если у него есть механический транспорт, мы сможем обнаружить место, где он спрятан. А если он пришел пешком… — Энрике осекся и наморщил лоб.

— Тогда он не смог бы уйти слишком далеко, — договорила за него Марсия.

— Да, но значило бы, что он пришел откуда-то изнутри зоны отчуждения, — возразила Катриона.

— Тогда, возможно, мы сумеем это место обнаружить, — ответил Энрике.

— Вы с Вадимом должны были облететь эту территорию несколько раз, пока выбирали место для делянки и обустраивали ее. Вы уж точно заметили бы то, что видно с воздуха.

— Да, но мы тогда не выглядывали нарушителей!

Резонное возражение. Она подумала, не пере-

дать ли решение Майлзу, но, во-первых, тот уже и так был с головой в делах комитета — хотя, конечно, порадовался бы почти любому поводу отвлечься, а во-вторых, он наверняка чисто рефлекторно наложил бы вето на участие самой Катрионы в разведывательной экспедиции. Вернее, попробовал бы наложить, поправилась она упрямо. Она покосилась на хроно. Сам полет туда и несколько кругов над территорией займут всего час, а полпути, то есть расстояние до лаборатории, она уже проделала. И… она должна была признать, что таинственный мальчик-альбинос оставил ее полной любопытства и одновременно обеспокоенной.

— Хорошо…

Пока Катриона позвонила Ори и сообщила, что на сегодня ее планы изменились, Энрике покидал их защитное снаряжение на заднее сиденье флайера, просто на всякий случай. Катриона повела машину. Ее флайер был маленьким и быстрым — подарок Майлза на недавний день рождения, — и они добрались до опытного участка гораздо быстрее, чем на неповоротливом аэрофургоне лесничих.

Несмотря на то что Энрике весь трясся от волнения, ничего особенного они там не обнаружили,

как Катриона и ожидала. Даже когда они сделали пару кругов на медленном бреющем полете. Ни крадущихся или убегающих в заросли фигур, ни припаркованных машин и даже ни лошади, привязанной к дереву.

Энрике извлек масс-сканер.

— Это штуки склонны регистрировать ложные цели, — заметила Катриона. — Даже если сузить поисковый диапазон по массе. Собаки, козы, да мало кто еще.

— Но и цель нашего поиска он покажет тоже.

— Хм, в общем, да…

Тридцать лет назад в зоне отчуждения уже обосновалась знаменитая преступная банда — радиоактивные Робин Гуды, которые воровали практически у всех, а добро раздавали себе самим.

Долго они не продержались. Зато мгновенно стали местной легендой — Майлз, который был тогда мальчишкой, оказался этой историей весьма впечатлен. Катриона надеялась, что он все же мысленно был на стороне бравых окружных стражников, которые в конце концов выкурили преступников из их нор, нежели самих мерзких грабителей. Но было бы сложно вообразить, как эдакие драматические персонажи, крадучись,

воруют из сарая садовые инструменты.

Как бы то ни было, по настоянию Энрике она заложила вираж, облетая участок экспериментальной делянки по расширяющейся спирали над самыми верхушками деревьев и на минимальной возможной скорости. Под ними мелькал лес, красный вперемешку с зеленым. Интересно, если бы она не различала цветов, ей было бы легче что-то там разглядеть? А если тот, кого они преследуют, столь же опасен, как беглый преступник, то для знакомства с ним пригодился бы еще кто-то помимо ее самой и долговязого нескладного инопланенетника. Разве лесничие не натренированы как раз для подобных задач? Она уже была готова высказать все это уткнувшемуся в сканер Энрике, как вдруг тот выпрямившись, воскликнул: «Вон там!» — замахал руками и показал куда-то за ветровое стекло.

— Что там? Люди?

Энрике заюлил:

— М-м-м, ох, нет, там объекты под триста килограммов… Может, дикие лошади или олени… ага.

Три лошади паслись на кусочке заливного луга. Дикие, лохматые, и наверняка в их костях полно радиоактивных отложений. Ничего похожего на

ограду левады не видно. Катриона уже хотела выпрямить машину, как одна из лошадей порысила — нет, попрыгала! — прочь из высокой травы и сунула морду в ручеек, стекающий со склона к западу.

— Путы! — возбужденно заорала Катриона.

— Что? — переспросил Энрике.

— На этих лошадях путы! Это, ну, как… такие ограничители, которые люди навязывают им на передние бабки — на передние ноги, — чтобы они могли бродить и пастись, но не уходили далеко там, где нет изгородей. Эти лошади не дикие! — Поглядев на всклокоченных, нездоровых с виду созданий, с подозрением фыркающих в сторону парящего над ними флайера и готовых сорваться с места и бежать, Катриона поправилась: — Во всяком случае, не ничейные. — И она осторожно отвела машину в сторону, чтобы не спугнуть маленький табун.

А вот эту едва различимую среди покрытых мхом деревьев, плюща и камней прямоугольную штуку она не заметила бы, если бы вела машину быстрей и выше…

— Вон там, это не крыша?

Энрике посмотрел туда же, куда и она, и поводил в ту сторону масс-сканером, пока она

заложила еще один вираж. Когда они опустились ниже и угол изменился, Катриона разглядела лучше и само обветшалое серое строение. Хижину. Избушку…

Она сглотнула. «Я не суеверна, черт побери! Но… это же не зловещая лесная избушка на курьих ножках, такого не может быть…»

Сердце Катрионы умерило отчаянный стук, когда при разглядывании курьи ножки оказались рядом мертвых стволов, обрубленных примерно на высоте трех метров над землей и поддерживающих это строение, точно опорные столбы — платформу. Сучковатые, высохшие старые корни торчали из их основания в разные стороны, напоминая когти. Катриону так же обманул первый взгляд, как и Майлза, когда тот разглядел лесного эльфа.

К тому же это была не сказочная хижина без окон и дверей, вход в которую открывается лишь добродетельной и смекалистой девушке, когда та произнесет волшебные слова. Отчетливо видна была дверь в торце, откуда с узкого крыльца вниз вела приставная лесенка. Отличная защита от стай диких собак и других поверхностных опасностей — одной из которых была сама отравленная радиацией почва, о чем Катрионе немедля на-

помнил здравый рассудок.

Все тут целесообразно и сделано со смыслом. И ее желудок, сделавший кульбит со страха, может теперь возвращаться на свое законное место…

Из каменной трубы тянулся слабый дымок и таял в воздухе.

— Садимся, садимся! — Энрике потеребил ее за плечо.

— Уже сажусь!

Они продрались сквозь ветки деревьев, царапающие флайер точно когтистые пальцы, и плюхнулись на землю в полудюжине метров перед этим странным строением.

Катриона пристально вглядывалась. Энрике водил сканером.

— Там есть кто-нибудь внутри? — пересохшим ртом выговорила она. Из трубы шел дымок…

— Прямо сейчас — нет… — Энрике с некоторым усилием перебрался на заднее сиденье и протянул Катрионе защитный костюм. В тесноте флайера они принялись натягивать громоздкую защитную одежду и обувь. Затем — лабораторные перчатки, капюшоны с респираторами, и вот они уже вылезают каждый в свою дверь — объемистые фигуры, похожие на тряпичных кукол, но с головами насекомых; хотя круглые фильтры

больше бы походили на фасетчатые глаза, если бы располагались на полукруглой прозрачной маске повыше, а не на уровне щек. Тогда иллюзия была бы полной.

У подножия лестницы-стремянки, ведущей в хижину, они остановились и переглянулись. Хоть Катриона была рада уступить Энрике там, где работал его немалый профессиональный опыт, но титул леди Форкосиган носила она. И хотя прежде, принимая на себя обязанности этого титула, она не представляла ничего подобного, выводы были ей ясны. Катриона сглотнула, взялась рукой в перчатке за перекладину лестницы и подтянулась. Все так же сжимая свой сканер, Энрике неуклюже последовал за ней.

Дощатая дверь закрывалась на щеколду. Внутри оказалась единственная комната, в которую пропускали не слишком много света маленькие, разномастные окна по обе стороны. В сложенном из плитняка и сланца очаге у дальней стены сквозь пепел еще рдели несколько угольев. Когда глаза привыкли к темноте, Катриона разглядела, что пол и стены завалены разношерстой коллекцией всякого добра. Частично это были самодельные деревенские инструменты и мебель, которая могла сюда явиться прямиком из времен

Изоляции: такую Катриона видела, когда ездила вместе с Майлзом в горы. А частично — всякие штуки, подобранные на недавно виденной ими с воздуха свалке.

Набитый тряпками матрац на деревянной откидной койке был поднят и прижат сеткой, сплетенной из обрывков пластиковых тросиков. Другой такой же матрац высовывался из-под кровати на манер выкатной койки, накрытый вместо покрывала старой занавеской для душа. Грубо сколоченная широкая кровать у другой стены точно так же имела «нижний ярус». Значит, тут живут четверо?

Кухонные приборы вокруг очага были так же собраны с бору по сосенке: на крюке висела древняя, литая чугунная сковородка, а вокруг нее — самый разнородный набор пластиковых, металлических и бывших электрических штук, как-то приспособленных в отсутствие электричества. Нищета, но не так уж неуютно. Катриона вспомнила, как Майлз говорил про своего деда — грубоватого старого графа, чье детство пришлось на времена повторного открытия Барраяра, — что, мол, тому сортир и в будочке во дворе сгодился бы.

Хотя зимой выходит не так исторически роман-

тично, если быть точным.

Но чем они питаются? На полках стояли современные упаковки самых обычных продуктов, какие можно купить в любом продовольственном магазине в Хассадаре. Сушеные домашним способом овощи и травы свисали плетьми со стропил и выглядели довольно привлекательно, если не вспоминать, что и выросли они тоже в зоне. Там же висело столь же сомнительное вяленое мясо. В корзинке лежали несколько яиц, перемазанных грязью и с прилипшим пухом — должно быть, от одичавших кур.

— Никого нет дома, — констатировал Энрике очевидный факт. В его голосе слышалось любопытство, а не дрожь испуга.

Катриона постаралась, чтобы и ее голос звучал ровно:

— Далеко они уйти не могли, наверное. Давай пока оглядимся снаружи.

Катриона уже знала, что надо искать кухонный огородик, поэтому обнаружила его — но не одну большую аккуратную делянку, заметную с воздуха, а несколько залитых солнцем клочков земли. А на темных, влажных, затененных участках, скрытых между деревьями за хижиной, располагалось… что?

Сперва ей показалось, что там желтеют столбики ограды, но в таком сумраке не может быть сада.

Когда она подошла ближе, столбики превратились в скопище ошкуренных деревцев, каждое со странным бледным шаром наверху. О-о-о.

— Вот теперь уже как-то не по себе, — признался Энрике, вытягивая шею у нее над плечом. — Или это у вас очередной местный обычай?

— Вообще-то… нет.

Черепа на столбах. Их было одиннадцать, подсчитала Катриона. Двенадцатый столбик стоял голым и выглядел недавним. Большинство черепов были старыми и потрепанными непогодой достаточно, чтобы с них сошла вся плоть и волосы. Непонятно, успокаивающий ли это признак или наоборот. И потрепанными они были в разной степени, значит, и умерли эти люди в разное время? Разглядев их внимательней, она почувствовала, как желудок сжался в комок.

— Они… маленькие. Почти все. Энрике, я думаю, это детские черепа.

— Или тут обитает племя микроцефалов, — предложил он свой вариант. Что, неужели хотел так ее подбодрить?.. Но вообще-то он и сам, похоже, не верил в эту гипотезу. — Полагаю, можно

определить возраст по зубам. Интересно, а где тогда тела? — Он поднял масс-сканер и прошелся между ухмыляющихся черепами столбов, периодически смотря себе под ноги. — Ага. Похоже, здесь внизу они и захоронены.

— Их много?

— М-м-м, нет. Похоже, пропорция disjecta membra[1] — с черепами — один к одному.

Значит, не массовое захоронение, хотя явное кладбище. Она не была опытным судебным патологоанатомом, но могла с виду опознать молочные зубы и понимала, что значат эти маленькие челюсти. Дети разного возраста. Пара самых маленьких черепных коробок была отчётливо деформирована. Катриона стиснула зубы. Она отцепила от пояса собственный дозиметр и провела вдоль нескольких черепов, проверяя. Прибор взволнованно заверещал. Концентрация радиации была сильно выше, чем вокруг, хотя не настолько сильная, как в костях животных, обнаруженных в зоне.

Энрике, который уже обошел участок, поводя сканером, а теперь, щурясь, вглядывался в лес, заметил:

---

[1] Примечания: 1
разрозненные части (лат.) — *Примеч. пер.*

— Вон там еще одно строение.

Она проследила за его взглядом. Еще более тщательно спрятанное в растительности, вертикальные доски — уборная?

Оба устремились туда. Меньше, чем та хижина на сваях, но не такая крошечная, как была бы уборная, и не приподнятая над землей, зато сидящая на грубом каменном фундаменте. Окон нет. Двери?..

Энрике повертел сканером.

— А вот тут внутри кто-то есть, — с удовлетворением заметил он. Поджал губы — Может, и коза.

Они обошли строение и обнаружили, что перед ним расчищена широкая площадка. Там же оказалась и дверь, к облегчению Катрионы. Прикрытая и подпертая снаружи кривой палкой с остатками серой коры, висящая на паре деревянных петель. Проверив почву вокруг входа посредством того, что Майлз назвал бы Прототипом № 1 всех наблюдательных приборов — невооружённым глазом, она обнаружила несколько разнообразных перьев, сушеный куриный помет и да, козьи катышки, сметенные и раскиданные какой-то метёлкой из прутьев, а не оставленные, где их отложили. Увы, материнский опыт, так хорошо научивший ее разбираться в какашках, не помог

— никакого послания они не составляли. Но лошади не оставляют таких визитных карточек, значит, здесь убежище для животных помельче? А вот, погоди! Вот и кучка навоза у самого угла сарая, по размеру как раз для некрупной лошади и оставленная именно там, где животное могли бы привязать поводьями.

Рука Катрионы легла на подпорку — Энрике кивнул и замер.

— Убери сканер и приготовься ловить коз, если те выскочат.

Права леди Форкосиган на вторжение в чужое жилище и так были спорным вопросом, а если они ещё и упустят чужой домашний скот, будет только хуже. А козы — пронырливые твари, как Катриона ясно помнила по злоключениям своей юности на ферме двоюродной бабушки на Южном Континенте.

Энрике полуприсел, Катриона открыла дверь и шагнула внутрь, ожидая, что сейчас ее глазам придётся привыкать к полумраку сарайчика.

Вместо этого она ощутила себя так, словно вокруг нее вспыхнули огни Зимнепраздника или она стояла среди звезд на обзорной палубе космической станции, или даже на представлении в планетарии, где что-то пошло не так.

И очень не так.

С пола, стен и потолка светили не меньше сотни (да!) огней — и каждый имел по три лепестка, как стилизованный цветок. Они сияли в металлически-фиолетовом обрамлении: самые тусклые — коричневатые, самые яркие — желтые, как масло, не тусклее лучиков дневного света, просачивающихся в щели между досками. Зрелище настолько же потрясающее, как и жуткое. Одни были неподвижны, другие медленно перемещались, словно планеты в своем созвездии. И они были всех размеров — самые маленькие были длиной с ее большой палец, а самые крупные едва бы поместились в её ладонь.

Ее ладонь в перчатке.

С пола раздался хриплый голос:

— О, Инги! Ты мне еще их принес, да?

Катриона резко опустила взгляд.

Приземистая фигура сгорбилась на полу спиной к ним. Человек был одет в старую мужскую рубашку с отрезанными рукавами. Его бледные руки свисали, и три-четыре самых ярко светящихся маленьких жука ползали по ним, цепляясь крошечными коготками. Еще несколько копошились в темных и довольно грязных курчавых волосах. Сидящий покачался туда-сюда и, не

вставая, развернулся к двери. Еще пара самых крупных рад-жуков затаились у него — у нее? — на коленях в складках юбки.

Круглое, как луна, лицо с огромным провалом рта поднялось к свету от двери, небольшие узкие глазки прищурились.

Девочка — или женщина? Она была размером почти со взрослого человека, и ее коренастое туловище уже определенно претерпело развитие пубертатного возраста, но широкое лицо было гладким, как яйцо. Когда она в шоке уставилась на гостей в масках и капюшонах — которые перепугались не меньше, если на то пошло, — то это гладкое, лишенное морщин лицо перекосилось от изумленного детского ужаса.

— Белые призраки! Белые призраки! — завопила она, должно быть, во всю мощь своих легких — вопль эхом отразился от стен и заставил Энрике вздрогнуть. Она вскочила на ноги, роняя жуков, которые отскочили от грубого булыжного пола и стремительно бросились прочь, не считая одного бедолаги, которого тотчас раздавила ее короткая и толстая, о боже, босая ступня. Толстые нестриженые ногти торчали на ней, точно когти, на всех шести пальцах, частично обломанные и треснутые.

— Мои жуки! — взвыл Энрике никак не тише нее. — Прекрати топтать их, ты, идиотка! — Это было сказано в качестве оскорбления или буквально соответствовало истине? С Энрике, да в таком состоянии, трудно было сказать — Сядь!

Но вместо этого девочка метнулась к низкой двери, заставив Катриону отпрянуть с криком:

— Хватай ее!

— Она же не коза! — завопил Энрике и все же попытался схватить девочку; но та изогнулась, набросившись на него с кулаками, короткие пальцы яростно царапнули по лицевой пластине шлема. И пальцев этих было слишком много…

— Не ешь меня! — завопила она, отскакивая от дверного косяка и вырываясь наружу. — Инги! Инги!

Белые призраки пришли за нами! Ты где?!

Катриона уставилась на шевелящийся кустарник, где исчезла вопящая беглянка. Ее крики смолкли раньше, чем успокоились ветки, отмечающие зигзаг ее движения, но было уже невозможно различить, куда она направляется.

— Мне нужно сходить взять контейнер! — выпалил запыхавшийся Энрике, развернувшись и явно не в силах решить, за какого жука хвататься первым. — Пока они не разбежались.

— До сих пор они, похоже, никуда не делись из этого сарайчика. — Она схватила Энрике за локоть и потащила наружу за собой, а потом, аккуратно подпихнув жуков внутрь обутой ногой, снова закрыла низкую дверь и, подобрав, вернула на место подпирающий колышек. — Позже мы сможем их собрать и пересчитать, есть вещи более неотложные.

А именно… какие? Катриона набрала воздуху в грудь:

— Этот ребёнок… двое детей… — Наверное, Инги — это и есть их пресловутый похититель жуков? Слова девочки это подтверждали. — …Не могут жить тут сами по себе, и определенно не они эти сооружения построили. — Судя по тому, как обветшали и износились от непогоды деревянные строения, им не один десяток лет. — Здесь поблизости должны быть какие-то взрослые, отвечающие за… за все это. –

И она сделала на этот счёт несколько весьма тревожащих мысленных заметок. — Давай их отыщем.

Энрике кивнул и снова подхватил свой сканер. Выходя, он спросил:

— Но почему она убежала с этими криками? Мы не намеревались причинить ей вреда. — Теперь,

когда его первое изумление после воссоединения со своими пропавшими жуками миновало, он расстроенно уставился в сторону подлеска, куда с криками убежала девочка. — Кстати, она, похоже, скрылась вон в той куче мертвых деревьев.

— Не пойдем за нею прямо сейчас, — предложила Катриона. — Дадим ей немного успокоиться.

— И я уж точно не собирался ее есть! — добавил Энрике, задним числом приходя в негодование — Белые призраки? Почему это она так нас назвала?

— Я предполагаю, что кто-то рассказал ей… сказку, чтобы ее напугать и заставить чураться приходящих незнакомцев. Или не подпускать их к себе. Незнакомцев в защитных костюмах, это точно.

— Чтобы скормить такую ложь ребенку, это взрослые должны быть очень злобными. — Энрике оглянулся, явно встревоженный. Они сходили проверить то, что показалось им уборной и оказалось ею на самом деле. Она стояла по другую сторону от кладбища, и там никого не было. Хотя пользовались ею регулярно и совсем недавно — нос Катрионы чуял это даже сквозь фильтры.

— Разве твои родители никогда не делали чего-то подобного? Чтобы ты оставался в безопасности,

пока еще слишком молод, чтобы толком понять?

— Вовсе нет. Они просто объясняли мне вещи как они есть. Ну, не субатомную физику, не в три же года. Хотя обычно я старался упросить их читать мне не выдумки, а научно-популярные книги, едва вырос достаточно, чтобы пожаловаться.

— Хм. — Сейчас перед Катрионой стояла проблема ребенка менее грамотного и педантичного, чем юный Энрике. Запаздывающего в развитии — прискорбно, а может, и тревожно. Но все же эта девочка демонстрировала хорошую речь, правильную по смыслу и грамматически, даже если содержавшую ошибочное суждение, а это ставило ее довольно высоко на лестнице познания. У нее не такие глубокие нарушения или она просто прожила здесь не слишком долго? Катриона припомнила, что черепа на кладбище были меньше и зачастую — деформированные.

— А как ты относишься к художественной литературе? Притчам, мифам, сказкам?

Энрике уступчиво развел руками: — Как к договорной лжи, наверное.

— Договорная ложь на самом деле, э, весьма социально продвинутая штука. — Хотя Александр с Элен скоро до нее дорастут. Но у них в конце

концов есть такой папа, как Майлз.

— Но, если кто-то облекает свой урок в ложь и дети понимают, что это неправда, они наверняка отбросят и урок вместе с ней. Это же логично. В этот момент они не могут доверять ничему.

— Хм. — Не объясняет ли это кое-какие важные вещи насчет подросткового возраста? — Значит, в этот момент им придется самим изобрести научный метод. Или каким-то образом ему обучиться.

— Вообще-то лет до семи я об этих вещах не задумывался, — признался Энрике с таким видом, словно извинялся за прискорбную задержку в собственном развитии.

Катриона улыбнулась:

— Знаешь, Энрике, подозреваю, что папа из тебя выйдет отличный, когда у вас до этого дойдет. На твой собственный особый и странный манер.

— Ты правда так считаешь? — Ее скупая похвала заставила Энрике просветлеть. — Вы с Майлзом отличные родители. Я хочу сказать, я ни разу не видел, чтобы вы паниковали.

— Если ты живешь с Майлзом, уровень «паника» у тебя установлен очень высоко. — Например, здесь и сейчас она совершенно не паниковала. Чувствовать себя чертовски неуютно и беспокой-

но — это ведь не паника, верно?

Если в пределах полукилометра отсюда и находилось какое-то еще человеческое существо, сканер Энрике его не показывал. Катриона сдалась и вгляделась в далекий бурелом сама.

— Насколько сильно радиоактивен этот участок?

— Он расположен на отроге горы, отходящем от хребта. Мы решили не использовать его в качестве экспериментальной площадки именно по этой причине. Довольно осушенная почва.

— Значит, обильно промытая?

— Мы можем проверить радиационную карту лесничества из флайера. — Запоздало он спохватился: — А почему ты спрашиваешь?

— Давай посмотрим карту.

Они оба забрались на переднее сиденье — черт, после всего новенький флайер тоже придется обеззараживать внутри и снаружи! — и Катриона вызвала видеокарту. Сетка их нынешней позиции не показывала ни одно из виденных ими строений, и это было ожидаемо, но этот еще участок земли был один из наименее «горячих», обрамленным по дальним краям более зараженными пятнами и полосами в соответствии со случайностями рельефа. Невооруженным глазом

она именно так это и увидела.

— Что ты имел в виду, говоря, что этот участок вы отвергли? — уточнила она.

— Ну… — Энрике откашлялся. — Вообще-то Вадим сказал, что на этом участке местности слишком большой уклон и не стоит тратить на нее время. Так и оказалось. Ты думаешь… он все-таки знал про это место?

— После того, как патрулировал зону отчуждения целых десять лет? Обязан был знать.

Значит, сознательно утаивал его существование, а может, даже помогал сделать его пригодным для жизни? Учитывая, как давно скваттеры ведут тут свое хозяйство, возможно, про это место из лесничих знал не один Вадим? Дело пахнет сговором… и из этих данных, как только Энрике их, несомненно, получит, можно будет сделать далеко идущие выводы.

— Ты думаешь, он мне солгал?

— Умолчал — это уж точно. — Что станет проблемой рано или поздно.

Энрике нахмурился.

Катриона решительно выдохнула, выпрыгнула из флайера и принялась распечатывать свой костюм, снимая капюшон и маску.

— Что ты делаешь? — встревожился Энрике.

— Собираюсь поговорить с этой девочкой. Она так и не вышла. Жестоко заставлять ее прятаться и плакать в кустах.

— …твой муж очень на меня рассердится, когда узнает, что я позволил, гм…

Катриона извлекла выбившуюся прядь темных волос из крепежа застежки и заткнула за ухо.

— Позволил? — с опасной ноткой в голосе проговорила она. А потом, слегка сжалившись над Энрике, прибавила: — Тебе не обязательно об этом упоминать.

Если подумать, довольно майлзовский подход к вопросу, а значит, в нем есть вселенская справедливость.

— Форкосиганы! — заключил Энрике, воздевая руки.

Катриона улыбнулась ему, открыто взяла шлем под мышку и направилась обратно к деревьям.

— Стой тут. И смотри вокруг, — прибавила она, скорее чтобы дать ему ощущение полезности и не позволить увязаться за нею, чем потому, что она считала, будто тут можно увидеть еще что-то новое.

— Они могут оказаться серийными убийцами! — сварливо высказался Энрике ей в спину — Радиоактивными серийными убийцами!

Она махнула ему рукой, не оборачиваясь.

После этой милой прогулки ей предстоит целая ночь обеззараживания в Центральной больнице Хассадара, невесело подумала она. Основные процедуры хелатирования, хорошо известные и отработанные в этих краях, в том числе уколы, сдача мочи в мерные стаканчики, а возможно, и сбор фекалий. Это казалось излишней мерой, учитывая, что все ее будущие дети уже лежали в виде замороженных эмбрионов с вычищенными генами в центре репродукции в Хассадаре, ожидая, когда у родителей найдется на них время. М-да, черный юмор. И все же спасибо небесам за Ори Пим.

Катриона шла очень спокойно и медленно и остановилась в паре метров от бурелома, где три или четыре дерева упали и образовали что-то типа укрытия, обвитого зеленым (по большей части) плющом, блестяникой и диким виноградом. Она села на землю, скрестив ноги, вздернула подбородок и произнесла самым своим успокаивающим материнским тоном:

— Привет. Извини, что там, в сарае, я тебя напугала. Меня зовут Катриона. А тебя?

В укрытии царило напряжённое молчание.

— Я не призрак. Я живая женщина. А это просто

такая шапка, видишь? — Она надела шлем и снова сняла его, а затем отложила в сторону. И не могла не подумать, что в такого рода уговорах Майлз дока, как он это демонстрировал не раз и не два. Но из Форкосиганов здесь только она.

Слабый шорох в листьях блестяники. Катриона сидела неподвижно. Если эта юная женщина снова метнется в сторону, стоит ли за ней гнаться? Нет, наверное. Куда та, в конце концов, побежит? Хотя вся зона отчуждения, все три тысячи квадратных километров к ее услугам, но… нет, погоди. Круглое, болезненно-желтоватое и встревоженное лицо осторожно выглянуло из листвы. Девочка уставилась.

Заморгала…

— А ты красивая, — произнес тонкий и хриплый голос.

Катриона машинально чуть не дёрнулась, но справилась с собой. В гостиных Форбарр-Султаны личный комплимент почти неизбежно был первым шагом некоей кампании с целью привлечь ее на свою сторону и обеспечить доступ к слуху ее мужа. Еще были несколько неудачных попыток флирта, которые определённо не предназначались вниманию ее супруга, но они не в счет. Однако сейчас она была столь далека от светских

гостиных, как это только возможно. Поэтому и ответила прямым:

— Приятно от тебя это слышать.

— Ты принцесса?

— Нет. — «И слава богу». Неужели девочка ждала принцессу? Здесь они точно нечастые гости. А может, по некоей извращенной сказочной логике, раз все принцессы — красавицы, то и все красавицы — принцессы? — Так как тебя зовут?

— Ядвига, — ответила та после долгого колебания.

— Милое имя. — Почти единственное, что можно назвать милым в этой девочке. Когда та еще немного высунулась из-под бурелома, Катриона увидела, что ее шею уродует мешковатый обесцвеченный нарост размером с кулак — зоб или рак щитовидки? И то, и другое? Это объясняло хриплый голос. И заставило Катриону судорожно сглотнуть.

— Правда?

— Да, — твердо ответила Катриона. И попробовала более прицельный выстрел: — А ты знаешь Вадима Самми, лесничего? Я с ним познакомилась всего несколько дней назад. Он, похоже, славный малый.

При этих словах девочка выбралась наружу

целиком и села напротив, тоже скрестив ноги и бессознательно подражая Катрионе, хоть и держась вне пределов ее досягаемости. Ага, стоит только назвать нужное имя. В Форбарр-Султане это тоже работает.

— А ты живешь в том доме на деревянных столбах? Очень хитро его построили.

Кивок. Опухоль при этом довольно страшненько затряслась, но Катриона ухитрилась не поморщиться.

— А с кем ты живешь? Думаю, хорошо, что ты не одна. — Хотя сейчас девочка была определенно одна.

Почему? Она точно не была заперта в том сарайчике, ведь для того, чтобы выбить палку, подпирающую дверь, достаточно было на эту дверь приналечь. Но ведь кто-то снаружи эту палку поставил?

— Матушка Рога. И Борис. И Ингиси, я его больше всех люблю. — Она склонила голову. — А ты где живешь?

— Иногда в Хассадаре. А иногда в Форбарр-Султане. Но больше всего я люблю дом у Долгого озера, у самого подножия Дендарийских гор, возле Форкосиган-Сюрло.

Девочка подумала.

— Как много всяких мест.

— Похоже на то.

Непонятно, стал ли ее взгляд еще более озадаченным.

— А это далеко?

— На флайере — нет. Но пешком было бы очень далеко. Ты когда-нибудь бывала в Хассадаре?

Девочка помотала головой.

— А слышала про него?

Кивок.

— Мама и Вадим иногда про него говорят. Вадим привозит нам оттуда хорошую еду. И мыло.

— Это… хорошо. — И объясняет кое-какое не самое древнее содержимое полок в хижине. — А он когда-нибудь предлагал свозить вас в Хассадар? Или еще куда-нибудь?

Она отчаянно потрясла головой:

— Если мы когда-нибудь выберемся за горный хребет, нас убьют.

— Это не так, — ответила Катриона, а затем в приступе болезненной честности добавила: — Больше не так.

Ей удалось не поморщиться.

Но Ядвигу историческая точность не волновала. Она смотрела на Катриону все пристальней.

— А Ингиси — это тот бледный мальчик с белы-

ми волосами? — попробовала Катриона.

Кивок.

— Я люблю их причёсывать. Они мягче, чем грива у лошадей.

Какой впечатляющий образ.

— Это Ингиси принес тебе рад-жуков?

— Чего?

— Фиолетовых насекомых, у которых на спинке светятся золотые цветы?

Более энергичный кивок и широкая простодушная улыбка.

— Красивые!

— Э… спасибо. Это я их такими нарисовала. А мужчина, который приехал вместе со мной, Энрике, их сделал.

Маленькие глазки расширились, как только могли. Девочка чуть отпрянула.

— Он колдун?

— Нет, просто ученый. Такое все умеют делать. — И все же она педантично добавила: — Все, кто так же умен, как и он, и учились не меньше лет, чем он сам.

В ответ девочка лишь неверяще нахмурилась. Но ее следующий вопрос неожиданно повернул беседу в другую сторону:

— А вы женаты?

— Э-э-э… Да — но не друг на друге. У Энрике есть жена по имени Марсия, а у меня — муж, его зовут Майлз.

Круглое лицо наморщилось.

— Она красивая?

— Ну — да, красивая. Высокая, с мягкими светлыми волосами, хотя они не такие белые, как у твоего Ингиси. — Катриона помедлила — А тебе нравится все красивое?

Кивок.

— Здесь, в закрытой зоне, много красивой природы. Деревья, растения, ручейки…

— И лошади!

Катриона вспомнила тех грубых животных, что они видели с воздуха, и попыталась сказать о них что-нибудь хорошее. Хорошее в этой беседе явно помогает.

— У них мохнатые уши. И бархатные носы.

— И большие желтые зубы, — захихикала Ядвига. — Они кусаются!

— Верно. А иногда — лягаются.

— Угу. — Ядвига поерзала, не вставая. — Тебе нравятся лошади?

— Очень.

— Хочешь посмотреть моих?

— Да, попозже. — Ядвига нетерпеливо заверте-

лась, но Катриона это твердо проигнорировала.

— А ты говорила еще про двоих людей — матушку Рогу и Бориса. Кто они такие? Я их не знаю.

— Вот это все матушкин дом. — Ядвига повела костлявой рукой над головою. — А Борис — ее родной сын. Он большой.

— А матушка Рога давно живет здесь?

— Всегда-всегда! — горячо заверила ее Ядвига.

Катрионе хотелось бы вернуться к проблеме рад-жуков, но казалось преждевременным пугать девчушку известием, что они краденые и вдобавок смертельно ядовитые. Поскольку Ядвига и так набрала предельно опасное количество радиационного загрязнения, проживая в зоне. Она вгляделась в тонкие руки и плотное тело девочки. Живот у той вздут от голода? Или это еще одна опухоль?

— Тебе хватает еды? Матушка Рога кормит тебя?

Ядвига махнула рукой — на правой у нее было нормальные пять пальцев.

— А, да. Но мне глотать больно. Из-за этой штуки. — Она потянулась рукой к своему наросту на шее, но тут же ее отдёрнула — Мы с Инги както попробовали затянуть вокруг нее веревку и отрезать, но это было очень больно, а матушка

сказала, что она все равно растет изнутри и так ничего не выйдет — Она скривилась.

Катриона подавила вспышку ужаса и ухитрилась нейтрально выговорить:

— Боюсь, в этом матушка Рога была права. Тебе нужен настоящий доктор.

«И почему ее до сих пор не отвезли к врачу? Вадим, какого черта?»

Ядвига озадаченно наморщила короткий нос, но потом пожатием плеч отмела вопрос вовсе.

«Говори о хорошем», — напомнила себе Катриона. Что там еще, родной сын?..

— Вы тут давно живете?

— Всегда. Так матушка говорила.

— Ты знаешь, сколько тебе лет?

— Конечно знаю! — легкое негодование можно было различить даже в ее хриплом голосе. — Мне пятнадцать.

— Но ты не дочка матушки Рога? А Инги — он ведь тоже не ее ребёнок?

— Ну, нет, мы все ее дети. — Показалось или она махнула именно в направлении украшенных черепами могил?

— А как… — Как бы это спросить? — Как вы с Инги сюда попали? С самого начала?

— Когда мы были маленькими, матушка гово-

рила нам, что нашла нас под листьями капусты, но это просто глупость. В лесу, в зоне, есть такое место… Инги говорит, что его сам видел, но я не знаю. Я только знаю, что меня сюда Вадим привез.

Издалека донесся приглушенный вопль и ритмичные удары; Катриона резко развернулась, выкинув одну руку в сторону, чтобы сразу вскочить. Удары обернулись топотом маленьких неподкованных копыт, а вопил явно Энрике. К ним выбежала мохнатая лошадка с веревочной уздечкой, прямо на спине которой сидела тоненькая беловолосая фигурка, крепко сжимающая ногами лошадиные бока.

Прямо за ними, неуклюжий в своем защитном костюме с шлемом, бежал Энрике с криками:

— Стой, ты, маленький воришка!

Инги дернул веревочные поводья, заставив скакуна более-менее остановиться, и заорал:

— Ядди! Уходи, беги прочь! Это белые призраки, убегай!

Ядвига подняла изумленный взгляд, но не стала вскакивать на ноги, как Катриона.

— Никакие они не призраки, дурак. Это просто люди в белой одежде.

— Матушка это и имела в виду! Эти люди! При-

шельцы!

Инги, похоже, неплохо управлялся с ложью по согласию…

Ядвига выпятила нижнюю губу, обдумывая эту мысль.

— Ну, еще она тебе говорила не выбираться с лошадью на солнце, а ты тоже не послушал!

Ее запоздалый аргумент позволил Энрике победить в споре — он схватил мальчишку-альбиноса за руку. Он не столько тянул паренька на землю, сколько удерживал, но лошадка из-под того вывернулась. Животина изобразила, что прямо-таки стрелой метнулась невесть куда, но, отбежав рысью на пару метров, чтобы не достали, тут же опустила голову и принялась пастись. Инги, приземлившийся на ноги, выкрутился из хватки Энрике.

Что бы он ни собирался делать дальше, этому помешала Ядвига, которая, начав было на него орать, зашлась в долгом приступе кашля, а потом сплюнула кровью. Она уставилась на густой красный сгусток скорее с раздражением, чем удивленная или испуганная. Шестипалая рука набросала немного грязи поверх кровавого комка, чтобы его прикрыть. Инги подбежал и склонился над нею, расстроенно замахав руками.

И даже предложил ей подол ее собственной юбки, чтобы вытереть губы — взамен платка; девочка приняла его равнодушно.

Катриона в порыве вдохновения села и махнула Энрике, чтобы тот сделал то же самое.

— Ну, привет, — начала она, стараясь держаться где-то между материнской теплотой и светской учтивостью, в надежде, что то ли второе окажется успокаивающим, то ли первое — заразным, или хотя бы прогонит страх. — Должно быть, ты Инги? Ядвига как раз рассказывала мне про тебя. Я Катриона, а мой друг, вон тот, — она кивнула в его сторону, — это Энрике.

Хотя Энрике явно предпочел бы, чтобы его представили как «доктора Боргоса», но, приглядевшись внимательней к их юным хозяевам, явно пришел к разумному решению оставить выбор на усмотрение барраярки Катрионы. Он медленно уселся на землю. Инги, явно чувствуя себя в меньшинстве, опустился на колени. Пасующаяся лошадь с полным безразличием к ним всем отошла на еще несколько шагов в сторону.

— Я вас видел, — признался Инги, — в лесу. — Любопытство, которое они отметили в нем на записи, сделанной прошлой ночью, похоже, сейчас взяло верх. — В ваших костюмах. — Он все

время поглядывал на Катриону, снявшую сейчас свой шлем.

— Шпионил за нами, да? — подхватил Энрике. — И забрал наших жуков!

Инги выглядел сейчас скорее хитрым, чем виноватым.

— Вы же их оставили. Все, что оставляют в зоне, — наше.

— Неплохая попытка, — признала Катриона, — но она не пройдет. Ты должен был видеть, что мы пришли вместе с Вадимом. И он говорил с тобою тем вечером, верно? Сказал тебе держаться подальше, наверное, не подходить к нашему участку?

Этот выстрел она сделала — буквально — в темноту, припомнив, как Вадим тогда в сумерках отлучился ненадолго, однако получила свой ответ, увидев, как мальчик знакомым ей образом поежился. Инги был примерно одного возраста с Никки, и он неловко метался между грубостью и искренностью, равно готовый и упрашивать, и дать деру.

— Может быть.

— Мы знаем, что это ты забрал наших жуков: у нас есть камеры. А еще мы только что обнаружили их вон в том сарае, — сказал Энрике

строго. — Там они все? Или ты отнес часть их еще куда-нибудь либо потерял по дороге?

Инги осторожно пожал плечами.

— Почти все, наверное.

— И зачем ты это сделал? — чуть не простонал Энрике.

Снова пожатие плеч.

— Ядвиге они понравились. Это подарок.

— Ну, извини, но тебе придется их вернуть…

Катриона подняла руку, пресекая это несвоевременное заявление.

— Подарок? На ее день рождения? — Потому что до Зимнепраздника оставалось ещё почти полгода.

— Не совсем. Она типа больна. — Белые пальцы вцепились в траву, мальчик отвел взгляд. — А они лучше, чем цветы. Цветов она и сама нарвать может.

— Ты знаешь, как сильно она больна? — «Ты знаешь, что твоя подруга умирает?»

Взгляд в землю.

— Ага.

«Ага». Деревенские дети в целом бывают знакомы со смертью ближе, чем их городские сверстники.

Как и с процессом рождения, болезнями и про-

чими составляющими жизни. А тем более — дети из этого целиком нелегального скваттерского поселения.

— Эти жуки особенные и очень важные для нас, — начала Катриона. — Они важны для будущего всей зараженной зоны, всего Округа.

— Она сказала, что они их сделали! — заявила Ядвига Инги и ткнула в него пальцем. — Ты в это веришь?

— Как люди могут делать жуков? — Инги покачал головой.

Когда они вынесли свой эксперимент на публику, Катриона приготовилась объяснять, что такое рад-жуки, людям из глубинки, а ведь кое-кто из тамошних стариков, из которых уже песок сыплется, получил не больше образования, чем эти потерянные дети. «Считай это тренировкой».

— Энрике взял обычных жуков и вывел новую породу для специальной работы. Вы же знаете, что зона отчуждения закрыта для людей, потому что она заражена радиацией?

— Радиация — это плохо, — кивнула Ядвига. — Так матушка говорит.

Инги посмотрел на Катриону с подозрением.

— Вадим говорит, что городские слишком сильно всего боятся. Это хорошо, потому что так они

к нам не лезут. Мы не хотим, чтобы сюда приходили чужие!

Катриона помедлила и все же продолжила: — Если на словах совсем-совсем упростить то, что они делают — а на самом деле все значительно сложней, — то наши рад-жуки едят радиацию. Мы думаем, что сможем с их помощью вычистить весь яд из зоны, чтобы тут снова могли жить люди.

Энрике явно поморщился, слыша её пересказ «в двух словах», но ему хватило ума ее не перебивать.

Хотя это ему нелегко далось.

— Мы же тут живем, — возразила Ядвига.

— Жить, не болея — ни раком щитовидной железы, ни раком костей, ни чем-то менее опасным. — Она коснулась своего горла, и Инги отпрянул, а Ядвига лишь нахмурилась. — Дело в том, что все эти зараженные вещества, которые съедают жуки, делают радиоактивными, то есть полными радиации, их самих. Вот почему Энрике по моему совету нанес им на спинки трилистник — светящийся желтый цветок: чтобы предупредить людей — их нельзя трогать. Чем ярче он светится, тем сильней ядовит жук, и к нему не надо прикасаться.

Инги нахмурил брови, обдумывая эту мысль.

— А почему тогда ваши жуки не дохнут? Если они наелись яда?

— В конце концов они действительно умирают. Но только тогда, когда соберут в себя много загрязнений, которые можно будет просто убрать. Это… довольно героическая судьба. — Или была бы таковой, не будь эти насекомые просто крошечными машинами. Биохимическими машинами, если точно.

Вид у Ядвиги сделался совсем несчастный.

— Они все умрут? Но они такие красивые!

— Все умирают, — отозвался Инги пренебрежительно, но тут же замолчал. Понял, что это было бестактно? Интересно.

Катриона понимала, что ей сильнейшим образом хочется запихать обоих хилых подростков в заднее отделение флайера и полететь стрелой прямо в Хассадарскую центральную больницу. Не ожидая, пока какие-то там взрослые это ей разрешат. А затем вернуться прямо сюда и разобраться, что тут творится, имея за спиной… отряд лесничих? Наверное, нет. Хассадарскую муниципальную стражу?

Форкосигановских оруженосцев? Проклятье, служба лесничих и нужна была как раз затем,

чтобы не случалось вот такого кошмара!

Но ни хассадарские стражники, ни даже ее собственные оруженосцы не обрадуются приказу лететь в зараженную зону, и неважно, в защитных костюмах или нет. «Дьявол в деталях», — это была любимая поговорка Майлза. Ей нужно больше таких деталей, потому что она понимала, что никак не может охватить взглядом всю эту дьявольскую картину целиком.

— Скажи, а Вадим никогда не предлагал отвезти куда-то одного из вас или обоих? Например, к доктору? — сделала Катриона еще одну попытку, на этот раз обращаясь к Инги.

Тот с криком отшатнулся:

— Нет! Мы не можем уезжать! Тогда придется застрелить всех собак, и лошадей, и коз!

Ядвига в потрясении аж заплясала на месте, кивая.

Действительно, одной из функций лесничих было уменьшать популяцию диких собак, хотя обычно лишь тогда, когда жители деревней, соседствующих с зоной, сообщали о набегах их стай. Такую охоту лесничие в прежние времена вели верхом и с помощью собственных собак, а теперь — с воздуха, с поддержкой сканеров, как знала Катриона. Хотя деревенский народ

мог разобраться с этой проблемой и сам; никто точно не знал, сколько древнего оружия еще нелегально ходило по рукам в Округе или лежало по захоронкам там и тут.

— А у вас есть дойные козы? — спросила Катриона, решив подойти к вопросу с другой стороны. Ведь действительно, невозможно вот так взять и бросить недоенных коз. Как и увезти зараженных радиацией животных из зоны отчуждения. Так что это была реальная проблема, а не просто страшилка, как та ложь насчет белых призраков.

Ядвига снова кивнула, хотя Катриона отчаянно мечтала, чтобы та сказала «нет».

— Я их дою, — сказала девочка гордо. — Это моя работа. — Встревожившись, она покосилась на Инги — А где козы? Приводить их домой — его работа, — пояснила она Катрионе, ткнув большим пальцем в сторону мальчика-альбиноса.

— Они там, перед домом — Инги махнул рукой куда-то в сторону избы-на-курьих-ножках, перед которой Катриона с Энрике оставили флайер. Катриона всмотрелась в том направлении и разглядела бурую тень, действительно похожую на козу, которая, конечно же, общипывала зеленеющие молодые побеги кустарника. Тем самым повышая степень концентрации зараженных

веществ в пищевой цепочке.

— Ты не должен позволять им жевать огород! — выбранила его Ядвига.

Мальчик, защищаясь, возразил: — Так они и не жуют! — но, выдавая тем самым более близкое знакомство с козьими привычками, прибавил: — Пока что.

Ядвига покачала головой.

— И вообще, матушка говорила, что не уедет никогда-никогда. Я как-то слышала, как она говорила это Вадиму и Борису. Они думали, что я сплю. Что она хочет, когда умрет, чтобы ее сожгли прямо с хижиной. Гадость какая! И вообще, где мы тогда будем жить?

— Она говорила Вадиму, мол, сам старый граф Петр дал ей слово, что ее оставят тут, в зоне, в покое, — вставил Инги с явной неохотой. — Вадим ей тогда говорит: а если никто больше из живых этого не помнит, чем она докажет? А она не ответила. — Он помолчал и добавил: — Но она дала ему подзатыльник, так что вряд ли ей понравилось, что он так сказал.

Катриона собрала все свое терпение. Из двоих детей Ядвига была старше, но Инги, похоже, умней: он должен знать больше.

— А как матушка Рога стала жить здесь, в

зоне?

— Она тут всегда жила, — повторила Ядвига, хотя и с меньшей убежденностью, чем раньше, а затем, явно потрясенная этим вопросом — неужели она никогда не задавала его себе сама? — добавила: — Борис должен знать. Он много знает.

— И вообще, вы тут вроде как городские туристы, — добавил Инги. — Вы не здешние, это не ваше место.

— Он повернулся к Ядвиге: — И мы ничего не должны им рассказывать.

Прежде чем Катриона успела придумать, как ей наилучшим способом вывести мальчика из его заблуждения, Ядвига ответила:

— Не беспокойся. Когда Борис вернется, он их прогонит. Он же прогнал того злого охотника в прошлый раз!

Инги прикусил губу: — Молчи об этом! — шепнул он Ядвиге. — Просто… не говори.

Ядвига обиженно отпрянула.

А это что за история? Явно не слишком хорошая, подозревала Катриона. Все, что ей удалось, — не тереть лоб одетой в перчатку и покрытой загрязнениями рукой. Нос у нее зудел, она зашмыгала.

— А Вадим часто вас навещает?

О нем, похоже, дети говорили без страха, отчего она сейчас не так злилась на лесничего. Отчасти.

Ядвига энергично закивала: — Он обычно приезжает, когда у него выходной. Не каждый раз. Он научил Инги читать. Но он не берет нас покататься на своем фургоне!

Судя по выражению, промелькнувшему на лице Инги, он разделял ее негодование на этот счет.

— Попроси его в свой следующий день рождения, если… — и он резко осекся.

«Если будешь еще жива?»

— Так вы никогда не летали? Никогда не видели ни зону, ни земли Округа с воздуха? — Ей пришел в голову хитрый способ доставить эту парочку в Хассадар, но она его решительно отложила в сторону.

Пока что.

Инги снова втянулся в разговор помимо своего желания:

— А это здорово? Как волшебство? — уточнила Ядвига.

Катриона заморгала, внезапно осознав, как близкое знакомство порождает не столько невнимание, сколько забывчивость. Даже слепоту.

— Да. Да, это так. Мне очень нравится летать. —

И она добавила почти наугад: — Муж подарил мне этот флайер на Зимнепраздник.

Обоих детей это, казалось, глубоко потрясло.

— Должно быть, он тебя очень любит, — сказала Ядвига.

— Ну… да, — призналась Катриона.

— А он богатый? Как принц?

— Не бывает никаких принцев, Ядди, — нетерпеливо вставил Инги — Они остались на Старой Земле.

— А вот и не так! Вадим говорил, что один принц родился в Форбарр-Султане, далеко-далеко отсюда, через тридевять Округов, там, где император живет в золотом дворце — Часть этого явно пришло из обычного речитатива сказки.

— Это ведь так? — потребовала девочка ответа у Катрионы.

— Ну, не совсем.

Инги удовлетворенно шмыгнул носом. Катриона набрала воздуху в грудь и пояснила:

— Столица отсюда всего в трёх Округах к северу, императорский дворец сделан по большей части из серого камня, и у нас сейчас есть два маленьких принца и принцесса, но она совсем еще младенец.

Энрике снова приподнял брови, возможно

скрывая свое изумленное одобрение этой редкой точностью изложения фактов.

Дети переваривали новости в молчании.

— А ты все это видела, на самом деле? — спросил Инги наконец.

Одобрение Энрике явно распространилось и на него. Этим двоим стоило бы познакомиться получше.

Они могли бы стать закадычными друзьями, как только Энрике простил бы мальчику похищение жуков, что было вполне возможно теперь, когда он получил своих драгоценных насекомых назад.

— Да.

Ядвига расслабилась со вздохом глубочайшего удовлетворения. Потому что она узнала, что в этом мире в самом деле есть принцессы? Катриона вспоминала, какую неосознанную радость она видела на лицах Лаисы и Грегора, знакомящих ее со своей новорожденной дочерью, когда она приезжала во дворец в последний раз. Насколько мучительно иными были, наверное, эмоции настоящих родителей Ядвиги, когда они… выкинули ее в зоне отчуждения?

В тяжких условиях Дендарийских гор недалеко отсюда к югу еще недавно был принят суровый

обычай времен Изоляции — резать глотки новорождённым мутантикам, и этот подход тайно практиковали почти до настоящих времен, когда его наконец окончательно изжили. И еще «то место» в лесу. Не продлился ли слишком долго в здешних, более комфортных, равнинных землях смягченный вариант того же обычая? Что это за дикое место, что за… чудовищный сиротский приют?

Катриона с ума сходила, как хотела узнать все. Неужели эти люди хуже, чем все, что она себе навоображала?

— Инги! — донесся хриплый голос, эхом разнесшийся среди стволов. — Где этот гадкий мальчишка? Инги, ты снова выпустил коз. Я так твою шкуру выдублю!.. — На последнем голос прозвучал слишком устало, чтобы можно было поверить в эту угрозу. Но тот, кто говорил, уже обогнул угол избушки на сваях…

«Бойся своих желаний…»

Два человека вели очередную лохматую лошадку, нагруженную мешками, свисающими с ее бочкообразного тела. Среднего роста мужчина придерживал поверх этой груды подхваченное ремнем старое и потрепанное мягкое кресло, выношенное настолько, что торчала обивка. Когда

он увидел одетых в белое чужаков, его курносое лицо нахмурилось, отчего он стал выглядеть более угрожающим и сильным.

Пожилая женщина, решительно ковыляющая вперед, была одета в юбку, пиджак и тяжелые боты.

Она была ниже и уже в кости, чем ее спутник, но хмурилась вдвое свирепее его. Лошадка воспользовалась тем, что люди отвлеклись, взбрыкнула и сбросила поклажу, которую мужчина подхватил и тут же с грохотом выронил на землю.

Те самые «ответственные взрослые». Наконец-то. Вот такие…

— Чужаки! — выкрикнула женщина, бросаясь к ним.

Ее спутник подхватил длинное полено из кучи возле дома и поднял его, демонстрируя неопределенную угрозу.

— Мне их поколотить, мам?

Энрике дернулся, но Катриона выставила руку и не дала ему подняться. Она все не могла отделаться от мысли, что парализатор у нее пристегнут под костюмом радиационной защиты и его никак не достать. Это противостояние готово было покатиться в тартарары по крутому склону, откуда уже никому не выкарабкаться, если дело

дойдет до взрывов.

Она вдруг вспомнила, как двоюродная бабушка, женщина абсолютно бесстрашная, говорила ей в детстве: «Боишься пауков? Да этот паук испуган куда сильней тебя!» Именно матушка Рога, а не мужчина, тащившийся за ней — Борис? — и была сейчас тем самым ядовитым пауком. Вот Ядвига бы просто не увидела в пауке опасности, а Инги наверняка решил бы подобрать экземпляр в свою коллекцию…

— Вы двое! — заорала женщина, размахивая руками так, словно пыталась напугать пару коз. — Вы не с лесничими приехали, я не видела их фургона, значит, вам тут не место. Это наш дом. Убирайтесь!

Катриона подняла взгляд, стараясь откуда-нибудь набраться непрошибаемой бравады, которой так отличался ее муж.

— Так уж вышло, что здесь другой случай.

Она поднялась, чтобы не дать Энрике храбро и совершенно неумело броситься на ее защиту и чтобы.

Инги захлопнул рот, из которого начало изливаться некое путаное объяснение. Она развернулась и встала с женщиной лицом к лицу, неловко сознавая, что она тут сейчас самая высокая — по-

ка долговязый Энрике сидит на земле.

— Лорд Форкосиган предоставил мне право надзора над Окружным департаментом терраформирования, в ведении которого находится зона отчуждения Вашнуй. Мы сейчас все стоим на его земле.

Женщина отпрянула, стискивая зубы, так что вспухли желваки; что бы она ни ожидала услышать от пришлых, это было не то, что произнесла Катриона. Она попятилась со словами:

— Ну, сейчас-то он этой землей не пользуется, верно? Это проклятое место. Так что убирайтесь, а то я и вас прокляну!

Несомненно, из нее вышла очень убедительная Баба-Яга, с этими свисающими прядями седых волос, густыми, спутанными бровями и пронзительным вороньим взглядом. Вздрогнули все — Ядвига, Инги, парень, размахивающий длинным поленом, и сама Катриона. Действовала ли эта угроза на прежних незваных гостей? Катриона подозревала, что да.

Если Борис замахнется, Катриона должна попробовать заблокировать его оружие, покатиться и расстегнуть костюм, чтобы наконец-то достать парализатор. Потому что, представив, как это полено опускается на бесценную голову Энрике,

она испытала куда больший ужас. Ее сердце отчаянно билось в тревоге. Если дойдет до худшего, эта компания спрячет их тела и отгонит флайер подальше.

Майлз перевернет всю зону отчуждения сверху донизу и будет преследовать их, если понадобится, даже в другом мире, буквально или фигурально. Но это ни для кого уже не принесет утешения.

Воистину проклятье.

Оцепенение разбил Энрике, который поднял взгляд и спросил совершенно искренне:

— Что, правда? А как именно ваше проклятие работает?

Прочие слушатели могли бы вообразить, что эскобарец бросает им вызов или даже насмехается, но Катриона решила, что он уже мысленно планировал методику двойного слепого тестирования.

Матушка Рога уставилась на него в полнейшем замешательстве — они оба явно друг друга не поняли.

Сейчас или никогда. Катриона стянула правую перчатку и протянула руку.

— Матушка Рога? Я леди Катриона Форкосиган. И мы здесь как раз затем, чтобы снять старые

проклятья. Матушка, нам нужно поговорить.

На мгновение Катриона испугалась, что женщина вовсе не поймет ее жеста, да и Ядвига изрядно спутала этот момент своим криком:

— А этот, с ней, он — чародей, матушка! Он делает волшебных жуков!

— Ученый, — поправил Энрике мрачно, не вставая с земли, словно уже махнул рукой на возможность быть хоть кем-то выслушанным.

Да уж, этот вариант опасней.

Катриона решительно не опускала протянутой руки. Что, если пожилая женщина ее оттолкнет? Но, не сводя с нее взгляда, матушка Рога переспросила:

— Значит, лорд-мутантик — твой муж?

Она смотрела снизу вверх, ее глаза сверкали из-под косматых бровей.

Катриона вспомнила, как часто Майлз поправлял «Это тератогенное повреждение» — и как ему почти никогда не верили, и ответила просто:

— Да.

Пожилая женщина не оттолкнула ее ладонь и не пожала, а спрятала свои руки за спину в странно ребячливом жесте отрицания. Катриона немного опустила руку, не настаивая, но и не убирая ее.

Патовая ситуация себя не исчерпала, но по крайней мере воздетое полено Бориса тоже упало, словно опустилось вслед за ее рукой.

«Продолжай говорить». Майлз такого рода вещи мог делать не просыпаясь, да и делал, пусть даже запинаясь и отрываясь от реальности. Но что может быть дальше от реальности, чем вот это все?

Катриона сделала глубокий вдох и произнесла:

— Полагаю, разговор будет долгим. Почему бы нам не присесть где-нибудь поудобнее?

Особенно Борису. Борис, маячивший на периферии как пугающая угроза, определенно нуждался в удобном сиденье. Родной сын? Было небольшое сходство у этих двоих в сложении и в цвете кожи.

Отца Бориса определенно тут не было, так что история должна была выйти мрачной.

— И, возможно, слушать тоже придется долго.

— Ха, — только и сказала матушка Рога и вытащила одну руку из-за спины, пусть даже только затем, чтобы махнуть в сторону хижины.

***

Слушаясь ворчливых указаний матушки Рога, дети отправились разгружать лошадь, а Борис — затаскивать кресло по другую сторону хижины, где высокого Энрике подрядили закинуть его на крыльцо. Добыча с поездки на какую-то мусорную свалку, определенно. Отправив Инги собрать коз и завести их в загон, матушка устроилась на новом сиденье, словно на полноправном троне. Она не пригласила чужаков внутрь, хотя Ядвига метнулась в хижину и вынесла для них оттуда пару заплесневелых подушек. У нее была теперь своя собственная принцесса, или как минимум настоящая леди, и отпускать ее девочка хотела не больше, чем расставаться со своими обожаемыми цветочными жуками. Подростки — все трое, потому что, несмотря на рост Бориса, Катриона не была уверена, можно ли его считать полноправным взрослым, — уселись на крыльце, свесив ноги.

Проект с рад-жуками потребовал много объяснений, и технические поправки Энрике делу не всегда помогали. В конце концов Инги в качестве

примера притащил одного жука, после чего все слезли с крыльца и пошли в сарай смотреть. Борис оставил свое полено лежать у хижины; уже прогресс?

Было ясно, что матушка уже знала о воровской добыче Инги — или подарках, как он предпочел называть жуков. Она дала ему — но не Ядвиге — крепкий подзатыльник и рявкнула:

— Идиот! Они за ними сюда и прилетели!

Было трудно прочесть выражение ее лица по горящему взгляду — было ли это горе, ярость или отчаяние? Но не надежда и не облегчение, это точно.

— Да, — согласилась Катриона, — но это вскоре случилось бы так или иначе. Если наш проект заработает, во всю зону отчуждения придут перемены.

«Так продолжаться не может», — это осталось непроизнесенным, но было прекрасно понятно и так.

Теперь многое стало на свои места.

— Как давно вы живете здесь? — Катриона сделала неопределенный жест, обозначая всю стоянку и кладбище заодно. — Я полагаю, Вадиму придется очень многое нам объяснить.

А еще его начальнику и тем из коллег, которые

участвовали в этом сокрытии тайны.

Ядвига, не до конца понимающая, о чем они говорят, но почуявшая угрозу, горячо ринулась на защиту:

— Вадим все правильно сделал! Он мой старший брат! Он обо всех нас заботится.

На этой роковой фразе повисло короткое молчание, а затем матушка Рога мотнула головой в сторону Катрионы:

— Ты и я. Пойдем прогуляемся.

Катриона подавила любой намек на неуверенность.

— Отлично.

Она махнула Энрике рукой, чтобы тот остался. Ученый мобилизовал молодежь на дело сбора, подсчета и упаковки своих отбившихся от стада жуков, безвозмездно сопровождая это еще и научной лекцией. Катриона пошла вслед за матушкой Рога в лес, туда, где их не было бы слышно. Старая женщина показала на пару пней. Катриона неловко уселась на один из них, подумав о шутке, говорящей: «Трагедию можно превратить в комедию, просто присев на стул». У нее было такое чувство, что здесь это не сработает.

Матушка Рога села напротив; похоже, она передумала. Катриона ждала.

Наконец матушка Рога, склонившись вперед, глядя в землю и сжав руки между обтянутых юбкой коленей, проговорила:

— Слышала ты когда-нибудь про Вашнуйских грабителей?

— Если это та преступная банда, которая опустошала здешние места лет тридцать назад и скрывалась в зоне отчуждения, то да.

Воры превратились в грабителей, потом неизбежно произошло случайное убийство, затем они начали убивать намеренно. Когда же они замучили до смерти всех обитателей бедного хутора на отшибе, их настигло хорошо вооруженное возмездие со стороны властей Округа, и уже не имело значения, в зоне они прячутся или нет.

Матушка коротко кивнула:

— Старый граф Петр перевешал почти всех нас, в конце концов.

Лечения и реабилитации преступников на бетанский манер тогда здесь и в проекте не было. Да и к лучшему, судя по тем кошмарным кусочкам истории с бандитами, которые Катриона слышала прежде.

— Кроме одной. Я сказала на суде, что брюхата. — Она кинула на Катриону резкий взгляд.

Катриона заморгала. Верно. Еще во времена

Изоляции беременных женщин никогда не казнили, и этот обычай перешел в те времена, в которые подходили к преступлениям уже с современными мерками. А Петр определенно был Старым Фором или как минимум стал им за столько десятилетий.

Большая часть дел о бандитах передавалась на более низкий уровень окружного судьи, но смертные приговоры приносили на суд графа для окончательного утверждения.

— Старик Петр дал мне выбор: виселица или тюрьма. Я попросила разрешения вернуться в зону. И он ответил: «Да будет так», — и его бейлиф стукнул по дощечке тупым концом копья. И вот я здесь.

Все жуткие подробности дела, несомненно, доступны в графских архивах в Хассадаре, если у Катрионы только хватит духу удовлетворить свое любопытство. Нет необходимости заставлять эту старую женщину (старую? ей едва исполнилось пятьдесят, зато выглядит она как настоящая дряхлая ведьма) делиться остатками своих воспоминаний или совершать признание заново. Позднейшие последствия той давней истории — вот что по праву дело леди Форкосиган. И она кивнула, подбадривая пожилую женщину про-

должать.

— Мне тут нравилось. Все наконец-то от меня отстали. Я и не знала, насколько это здорово, пока не пришлось попробовать, в первый раз за мою глупую молодую жизнь. Старые лесничие Петра приглядывали за мною. Им было плевать на эти игрушки-дозиметры, на которые Вадим нынче так сетует. Борису было года три, когда я набрела на поляну в лесу и на те секреты, что там оставались — Наконец-то она подняла взгляд. — Знаешь, тут бросали умирать не только мутантиков. Во времена Изоляции случался голод или просто ребенок оказывался лишним. Или рожали без мужчины, хотя, скажу тебе, девушке может быть лучше и одной. Мне-то точно было.

— Понимаю, — ответила Катриона. Отчасти чтобы показать, что она слушает, но и потому, что она действительно понимала.

— Это стало для меня чем-то вроде увлечения — подбирать то, что другие выкидывали в зону. Так я и нашла первого выброшенного ребенка. С последней было по-другому, а так я подбирала их всех, хоть их с годами делалось все меньше, вплоть до Инги — тринадцать лет назад. А после, конечно, никого.

— А что случилось тринадцать лет назад?

Та пожала плечами: — Медицинский аэрофургон графини Форкосиган добрался до последних одиноких деревушек к западу от хребта.

А. Ну да. Катриона припомнила, как ее обычно жизнерадостная свекровь свирепо кричала о необходимости модернизация образования и медицины в Округе. Поначалу Петр отдал в руки невестке-инопланетнице только начальные школы: ведь дети — дело женщины. Но когда семнадцать лет назад старик умер, а Округ перешел полностью в её руки, графиня Форкосиган ринулась вперед вместе с целым поколением ревностной молодежи, готовой поступать в новые технические училища.

Первыми она обеспечила медицинской помощью большие города, чтобы к ней скорее получили доступ как можно больше людей, а на этой базе уже стали продвигаться во всех направлениях мобильные клиники, как решение самой сложной части проблемы — «последней мили».

— Вот все и кончилось, леди, — договорила матушка Рога. — Годы прошли. С нами покончено.

— Нет. Все только начинается.

— Не для меня. — Матушка Рога покачала головой. — Знаю я вашу породу. Ты думаешь, что можешь все.

Так вот, ты не можешь.

Пока что Катриона не стала с этим спорить, хотя подумала: «Это ты еще Майлза не видела».

— Так что же за история с Вадимом и Ядвигой? — спросила она.

Та снова пожала плечами:

— Вадиму было пятнадцать, когда она родилась. И его родители прислали его ко мне с девочкой. В здешних местах тогда еще кое-кто знал про меня, понимаешь? Он был не слишком рад, что ему это поручили, хоть его папаша и говорил, мол, это ради его же безопасности. Хуже, когда тебе приходится топить котят.

— А-а-а.

— Он стал время от времени появляться тут и проверять, как у нее дела, а позже, когда подрос достаточно, поступил в Лесничество. А потом его папаша погиб, разбился на машине, а мама согласилась на бесплатный билет в один конец до Зергияра, который предлагали, когда новый граф уехал и сделался там вице-королем. Думаю, она была рада оставить здесь все свои печали, и последнее, что я слышала — она там жива и здорова.

— Теперь вы все… — Катриона осеклась, поглядев на свою руку без перчатки, — мы все первым

делом отправимся в Центральную больницу Хассадара для оценки полученного ущерба и лечения. После этого мы сможем принять решение, исходя из фактов.

— Ты их сможешь заставить, ты хочешь сказать, — с неожиданным сарказмом ответила матушка Рога — А для Ядди уже слишком поздно. Всегда было ясно, что именно так ее жизнь и закончится.

— Может быть, — согласилась Катриона. — А может, и нет. Не мне и не вам решать, это дело докторов.

Но Инги пока что кажется вполне здоровым. И Борис — тоже.

— Ты не можешь просто взять и утащить этих детей в большой мир после всех этих лет и ожидать, что они выплывут. Ядди точно не сможет, а Борис… ну, он как-то убегал, но несчастным приплелся назад.

А бедняга Инги — да его сверстники на кусочки порвут. Сердце ему порвут, если не в буквальном смысле. А может, и тело тоже. Ты даже вообразить не можешь, какой жестокой может оказаться компания мальчишек.

Катриона сжала губы.

— Я сама замужем за лордом-мутантиком. Мне

не нужно ничего воображать. Достаточно попросить Майлза рассказать мне.

Матушка Рога дернула подбородком. Не устрашенная — эту женщину не напугаешь, — но, быть может, она самую малость сдала свои позиции. Еще одна трещинка в ее безнадежной уверенности — это хорошо.

— Вы беспокоитесь, и это правильно, — продолжила Катриона, — но во внешнем мире теперь стало лучше, чем тридцать лет назад, обещаю вам. Пусть только дети перестанут получать новую дозу, а их болезнь — усиливаться, а там будет время подумать. Никто и никого никуда не вышвырнет, не оглядевшись и не выяснив, куда именно они приземлятся.

Катриона могла предположить, что это окажется за работка. Еще один пункт к ее и так уже переполненному списку дел. «Я справлюсь. Это дело мое!»

Она вздернула подбородок: — Я не могу все знать и просто отвернуться.

— Лучше бы ты так и сделала, — проворчала матушка Рога. — Мы тут хорошо жили, пока ты не явилась. Люди нас не беспокоили.

Катриона покачала головой.

Матушка Рога запрокинула голову, прислу-

шиваясь. Катриона тоже это расслышала — характерный пульсирующий вой двигателей аэрофургона.

— А вот и новые проблемы, по одной они не ходят, — вздохнула матушка Рога и с кряхтением поднялась на ноги.

Катриона пошла вслед за ней на вырубку перед хижиной и вышла туда как раз в ту минуту, чтобы увидеть, как знакомая машина лесничества с отчетливо различимым гербом Форкосиганов на боках — кленовый лист и горы — подлетает, зависает и садится.

И ее совершенно не удивило, когда из кабины выпрыгнул Вадим. В гражданской одежде, а не в своем форменном противорадиационном комбинезоне, и с парой магазинных пакетов в руках. Лесничий повернулся и потрясенно выронил их на землю, разглядев Катриону, идущую вслед за матушкой Рога.

Он с шипением втянул воздух сквозь зубы, полез за парализатором в кобуру, вытащил его — и застыл.

Они глядели друг на друга долгое, неустойчивое мгновение.

Катриона скрестила руки на груди и произнесла сухо: — Если вы притворитесь, что никогда

не доставали оружие, я притворюсь, что не видела его.

Вырубленное из камня лицо Вадима словно поплыло, как глина. Его рука дернулась один раз, и затем он медленно убрал парализатор в кобуру. Катриона, до этого мгновения сдерживавшая дыхание, попыталась незаметно выдохнуть. Затем, держа спину прямо, шагнула вперёд.

— Я права, предполагая, что у вас в заднем отсеке фургона лежит несколько коробок Энрике для транспортировки жуков?

— Но как вы?..

— Захватите их. Мы нашли пропавших рад-жуков. Они в овечьем загоне, и Энрике там же. — Она поглядела, оценила, что он без защитного костюма. — Надеюсь, там же у вас найдутся запасные перчатки. Вам понадобится пара перчаток, а мне нужна чистая правая. — Она подняла свою обнаженную кисть и повертела ею.

— Э-э-э… да, леди Форкосиган. — Казалось, простые приказы, которым надо следовать, позволили ему прийти в себя, предоставив подобие привычной рутины, за которое можно ухватиться.

Пока матушка Рога подбирала продукты, Вадим открыл задний отсек фургона и извлек транс-

портировочные коробки и перчатки. Катриона натянула одну, сомневаясь, есть ли в этом теперь какой-то прок — что ж, она хотя бы сможет помогать держать собранных жуков. Вадим передал ей в руки две пустые емкости и натянул перчатки сам.

Матушка Рога глядела на это в угрюмом молчании, затем подхватила свои пакеты и направилась в хижину.

— Детей пришли ко мне, — приказала она Вадиму. — Нам надо уложить вещи.

Он опасливо кивнул и пошел к загону, не нуждаясь в указании, где именно тот находится. Верно.

— А, Вадим! — Едва они обогнули загон, Энрике с улыбкой выпрямился им навстречу. — Рад тебя видеть. О, отлично, переноски. Я как раз думал, чем бы мне воспользоваться. Э-э-э… а почему ты не в комбинезоне? — Он посмотрел вниз. — И где твой дозиметр?

— Я их не ношу, когда сюда просто так заезжаю, — пробормотал Вадим.

Чтобы продлить таким образом годы своей службы в качестве рейнджера? Все равно сейчас это выглядело весьма сомнительно. Стоит добавить это ко всем тревогам, которые сейчас

метались в его мозгу.

Сияющая Ядвига вскочила и обняла его. Неловко покосившись на Энрике и Катриону, он взлохматил ее волосы привычным вроде бы жестом.

— Привет, егоза.

— Ты уже видел леди! Правда она красивая?

— Ага, я, гм… я работаю с ней.

— Правда? И нам не рассказал? — На ее круглом лице негодование читалось так же ясно, как и прочие чувства.

— Я же недавно с ней работаю, — оправдался тот. — И вообще, матушка хочет, чтобы вы сейчас вернулись в дом. Дела по хозяйству. — Он показал за плечо большим пальцем в перчатке.

— А после этого, — вставила Катриона, — мы все поедем… ну, сначала мы все поедем покататься на аэрофургоне лесничих на станцию обеззараживания, а затем другие люди нас оттуда заберут и отвезут в Центральную больницу Хассадара.

И, о боже, не вызовет ли это все культурный шок. Ей надо подумать, как смягчить его насколько возможно.

— Мы все там переночуем и получим немного самого простого лечения, а доктора посмотрят нарост у Ядвиги, — она коснулась своего горла, — и

решат, не смогут ли они с этим как-то помочь.

— А-а-а. — Эти новости Ядвигу скорее смутили, чем безумно обрадовали, зато Инги, который уже и так просветлел при одном упоминании аэрофургона, теперь внезапно стрельнул в Катриону острым взглядом, в котором отчаянная надежда мешалась с тяжким опытом каких-то прошлых разочарований.

Катриона прикусила губу — она не хотела давать обещаний, исполнение которых пока не могла гарантировать.

— Но что насчет коз и лошадей? — Ядвига повернулась к Вадиму. — Ты ведь вернешься и позаботишься о них, пока нас не будет?

Вадим с Инги обменялись мрачными взглядами.

— Наверное, я больше не смогу сюда вернуться.

— Но кто же ими займется?

Борис произнес мрачным тоном человека, знающего, кому достанется вся грязная работа:

— Нам с Вадимом придётся их застрелить, кому же еще?

— О, нет! — взвыла Ядвига, и из ее глаз-щелочек покатились слезы.

Энрике, открывавший переноску для жуков,

покосился на них:

— В чем дело?

Вадим безрадостно пояснил: — Все домашние животные, которых нельзя отпустить на волю, должны быть уничтожены. В дальней перспективе это меньшая жестокость.

Энрике поморгал и задал разумный вопрос: — Ну, а почему тогда не поместить их в дальний загон на Жучином Ранчо? Мы им все равно не пользуемся. Можно будет объявить его карантинной зоной. Мне бы очень хотелось получить для исследования несколько крупных млекопитающих, подвергавшихся в зоне длительному воздействию радиации.

Бог тебя благослови! Доверься Энрике, и он найдет возможности там, где все прочие видят лишь непреодолимые препятствия. То, что тем же оценивающим взором ученого он окинул и троих подростков, Катриона заметила, но смолчала. В конце концов, они тоже — крупные млекопитающие.

В любом случае слезы у Ядвиги высохли.

— А там хорошее место?

— Да, — ответила Катриона, — и позже ты сможешь их навестить.

— А-а-а!

Борис тоже приободрился. Сейчас вся жизнь этих людей окажется разрушена, но одно предложение спасти их домашних животных — и они уже согласны? Надо запомнить этот урок. Определенно, сегодня днем уроков было более чем достаточно.

— Нам лучше пойти и помочь матушке, — вздохнул Борис, — а то она будет орать.

— И драться, — жизнерадостно добавила Ядвига без всяких признаков страха или обиды.

После короткого сопротивления Инги, которого гораздо больше интересовали рад-жуки и то, чем занят Энрике, Борис увел обоих, действуя в обычной манере старшего брата. Катриона невольно подумала про Никки и близнецов.

После этого все трое взрослых занялись быстрым и эффективным сбором жуков, осторожно сканируя почву вокруг на предмет останков скончавшихся особей.

— Что ты собираешься с ними делать? — спросила Катриона у Энрике, когда он запечатал первый контейнер.

— Э, сам пока не знаю. Первый тестовый прогон пока что сорван в смысле получения количественных результатов, не говоря уж о загрязнении данных в процессе, хотя качествен-

ных выводов у меня достаточно, чтобы снова отправиться к чертежной доске с расчетами.

— Боюсь, и мне тоже, — с сожалением призналась Катриона. — Похоже, я сделала жуков слишком красивыми. Что не соответствует нашим целям.

— Не бывает такой штуки, как слишком красивый жук, — твердо заявил Энрике. — Но я думаю, мы захотим получить модифицированную модель, способную внедряться прямо в почвенный слой, как скарабеи, для наиболее действенного удаления загрязнений. Возможно, она будет использоваться в комплекте с нашей прежней поверхностной модификацией, так что работа зря не пропадет.

— Хм. — Она посмотрела на лесничего, который выглядел по-прежнему несчастным, хотя и не таким оцепеневшим. — Что вы намеревались с ними сделать, Вадим?

Тот откашлялся и пробормотал:

— Вернуть на тестовую делянку.

— О боже, нет! — вскричал Энрике. — Хуже не придумаешь. Я увезу их обратно на Ранчо в карантинный загон и проведу анализ отдельно. Мы собираемся получить корректно подсчитанные данные, когда закончим с первым тестовым

участком. Катриона, хочешь, я отведу твой флайер на станцию очистки?

— Он покосился на рукав своего так и оставшегося запечатанным защитного костюма. — Поскольку, похоже, среди нас я один-единственный, кому не придется ночевать в городской больнице.

— Да, будь добр. — И на этом проблемы явно закончены, по мнению Энрике.

Вадим немного оттаял. Майлз будет иметь на этот счет другое мнение, но лесничие ответственны перед ним, не перед Катрионой. Еще одна грязная работа, которую придется делать не ей, отлично.

Хотя, наверное, ей придется после выслушать от Майлза, как все прошло.

Вадим уже набрал два полных контейнера жуков и понес их в машину, когда со стороны хижины донеслись приглушенные расстоянием крики. Низкий голос мог принадлежать лишь Борису, а перепуганные визги явно издавала Ядвига. Изумленная, Катриона вскочила на ноги и двинулась на второй крик. А когда увидела хижину — побежала. Дым вырывался не из трубы, а из окошка сбоку.

Вадим выругался и широким шагом догнал ее.

Озадаченный Энрике последовал за ними.

Они вскарабкались по приставной лесенке на крыльцо, рывком распахнули дверь и замерли — сцена перед ними не поддавалась объяснению. Койки полыхали, коптящее оранжевое пламя пожирало какой-то крепкий домашний алкоголь в качестве катализатора, воздух был полон едкой взвеси.

Ядвига сжалась в углу, плача, Инги маячил над нею в стойке неуверенной защиты. Посредине комнаты сцепились Борис и матушка Рога, боровшиеся за острый и длинный кухонный нож самого зловещего вида.

Матушка пыхтела в безумной решимости, хватая и выкручивая; глаза Бориса были широко распахнуты в ужасе. Они оба спотыкались, бились об стол, пинали пакеты с продуктами — упаковки с едой были сейчас рассыпаны по всему полу.

Ошеломленный Вадим выхватил парализатор и попытался прицелиться в пыхтящего, шатающегося Бориса.

Катриона сразу поняла, что он делает не так, и рявкнула — Дай его мне!

Она выхватила парализатор из его сжатых пальцев, припала на одно колено и выстрелила.

Этот выстрел попал матушке Рога точно в голову. Покачнувшийся от ореола луча Борис упал на спину, тяжело дыша и отпихивая нож прочь. Вращаясь, нож со стуком закатился под тлеющую койку. На руках и шее Бориса виднелись алые потеки крови.

— Борис, вынеси матушку наружу! Вадим, выводи Инги и Ядвигу!

— А я посмотрю, что можно сделать с огнем, — добавил протиснувшийся мимо нее Энрике — Задержите дыхание и выбирайтесь.

Ну конечно — он один был сейчас в изолирующем костюме, который заодно частично защищал его от жара и полностью — от дыма. Энрике имел опыт всякого рода экстренных случаев в химической лаборатории, так что был сейчас полностью спокоен, сосредоточен и действовал без паники.

Катриона повернулась, чтобы помочь вытащить обезумевшую от страха Ядвигу.

Они вывалились в дверь. Матушка висела мертвым грузом, Ядвига и того хуже — извивалась, но всех удалось спустить вниз по длинной лестнице, не сломав ни одной шеи. Они отковыляли на несколько метров в сторону и оглянулись посмотреть.

Горящие матрасы попадали из бокового окош-

ка, следующие — в дверь и вниз с крыльца. Еще несколько опасных в смысле возгорания предметов последовали за ними, и, когда они упали и упруго подпрыгнули, языки пламени погасли. Наконец появился Энрике, чей белый костюм лишь слегка закоптился. Он спокойно слез по лесенке на землю.

— Думаю, все нормально, — выдохнул он. — Хижина уже не сгорит, но не возвращайтесь туда, пока мы не убедимся.

— Но зачем, — вопросил Вадим, упираясь ладонями в колени и переводя дух, — вы выстрелили в матушку?

Скорее Катриону начнет трясти и затошнит. Но прямо сейчас она еще парила на приливной волне адреналина такой высоты, какую в последний раз переживала… боже, больше пяти лет назад, когда расколотила вдребезги устройство в причальном доке на комаррской скачковой станции.

— А вы разве не поняли? Борис не пытался зарезать матушку. Это она пыталась убить Бориса.

А затем, скорее всего, Инги и Ядвигу — по степени возрастающей легкости, так сказать. После чего… что? Воткнуть нож себе в грудь, когда пламя разгорится — чтобы получилось безумное

подражание какому-нибудь варварскому похоронному жертвоприношению?

Борис и Инги кивнули. Борис почти не плакал больше, Ядвига рыдала с подвываниями, а Инги побледнел бы, если бы мог, но лицо его сейчас было застывшим и потрясенным.

— Почему? — выкрикнул он.

Катриона нестерпимо пожалела, что точно знает ответ на этот вопрос. Она постаралась облечь это понимание в такие слова, чтобы все здесь поняли:

— Полагаю… она считала, что мы пытаемся увезти ее семью. И предприняла попытку вернуть вас себе единственным способом, который знала.

«Убийство, самоубийство и погребальный костер разом, окончательный отказ и неповиновение».

— Она свихнулась, — прошептал Инги. Хотя, полагала Катриона, Борис с Вадимом ее объяснение восприняли — по крайней мере, отчасти. Энрике выпрямился, мрачный и вежливый, как посторонний незнакомец на поминках. Но Катриона могла поклясться, что он всё отлично понял.

— Она ошиблась, — поправила Катриона. — У нас не было необходимости делать ничего такого.

Все можно было обговорить. Если бы я выражалась яснее…

Сквозь закопчённое стекло шлема было видно, как Энрике приподнял брови, точно хотел оспорить последнее утверждение, но так ничего и не произнес.

Катриона тяжело шлепнулась на землю, скрестила ноги и принялась вытаскивать наручный комм из-под рукава защитного костюма. Проблема с кнопками аварийного вызова в том, что, когда у вас долбаная авария и вы в самом ее центре, некогда до них дотянуться. Все, на что хватает времени, — это… это схватить парализатор и выстрелить. Вот почему Майлз настоял, чтобы она проходила курсы самообороны заново каждый чертов год.

Боже. Чего бы еще ни потребовалось от нее миру сегодня, она уже не в состоянии этого дать.

С третьей попытки она прижала тревожную кнопку дрожащими пальцами. Ответ, слава богу, был мгновенным.

— Оруженосец Пим? Мне нужна помощь.

***

Катриона была благодарна, что успела доесть свой безвкусный больничный ужин, прежде чем в ее палате образовался Майлз. Даже ему пришлось претерпеть общую процедуру и задержаться в коридоре, поскольку дежурная медсестра отправляла всех посетителей без исключения одеваться в защитные костюмы. Оруженосец Роик в повседневном коричневом с серебром мундире к склонился к окошку в ее двери, сделанному из свинцового стекла, и то ли помахал ей, то ли откозырял. В его улыбке чувствовалась тревога. Она помахала в ответ, искусно изображая жизнерадостность, и это его, кажется, успокоило.

Медсестра осмотрела снаряжение Майлза в последний раз и наконец-то позволила ему войти. Вслед за ним в качестве дружеской поддержки плелся Энрике. Катриона с облегчением отметила, что оба просто натянули поверх своей одежды обычные одноразовые комбинезоны с медицинскими масками и перчатками — самый простой вариант защиты от радиоактивного загрязнения.

Если многоопытное отделение радиологии Хассадарской Центральной больницы не паникует насчет ее состояния, значит, никому другому тоже нет оснований пугаться. Свою трость Майлз оставил с Роиком в коридоре, отчего к ее кровати он не подлетел, а скорее прохромал. Она почувствовала жар его ладоней сквозь большие не по размеру медицинские перчатки, когда он схватил ее за руку. Более выразительные объятия и восклицания «Боже, как ты?!» по причине карантина временно (она на это понадеялась) откладывались.

— Ты уже был дома? — перебила она его, не дав начаться потоку словоизвержения.

— Еще нет, — покачал он головой. — Я бы приехал сюда раньше, но там были люди. В очереди ко мне.

Даже так — они лезли ко мне друг у друга по головам. В конце концов мне пришлось вызвать своего внутреннего графа Петра, чтобы от них отделаться.

Энрике кивнул. Его, похоже, это впечатлило.

Катриона могла вообразить себе этот полезный, пусть порой и пугающий, прием.

— Я до ужина успела ответить на звонок от Ори и Никки. Никки был слегка встревожен, но я его,

кажется, смогла успокоить. Тебе нужно домой — хотя нет, сперва тебе нужно начать нормально дышать, а то ты совсем запыхался. А затем домой и всех там тоже привести в чувство. — Помолчав, она добавила: — Хотя Ори сказала, что близнецы пока ничего особо не заметили.

— Ладно. Ладно — Он тяжело вздохнул под маской.

Энрике казался более собранным — и у него, очевидно, нашлось время принять душ и переодеться после возвращения из зоны, а может, даже и поесть (или, скорее, перехватить питательный батончик, который Марсия всунула ему в руку на ходу). У него был задумчивый вид — это было скорее данью образу, которого все ожидают от высокооплачиваемого иностранного ученого, хотя его мысли зачастую путешествовали по лабиринту разума довольно прихотливыми путями. Но он, похоже, успел доложиться Майлзу обо всем, чему сам был свидетелем.

— Что происходит снаружи? — поинтересовалась она. — Поместили ли Инги, Ядвигу и Бориса в одну палату, как я просила? — Что бы ни случится завтра, сегодня ночью это маленькое измученное семейство будет держаться вместе. Все вместе, кроме одного человека, напомнила она себе.

Майлз кивнул. — Не совсем по правилам, но твои аргументы возымели силу, плюс то, что они трое получили один уровень облучения. Я сам с ними еще не встречался, хотя мельком поглядел в окно палаты. Похоже, они сидят на кроватях и ужинают.

Звучало успокаивающе.

— А матушка Рога?

— Она заперта в отдельной палате, и у двери на посту стоит стражник из хассадарских муниципалов, как положено при аресте. Она уже оправилась от парализации. Медсестры говорят, она кажется тихой и угрюмой, а не агрессивной.

Катриона оттянула трущий ворот неизящной больничной рубахи. — Но на самом деле она ведь не арестованная? Потому что нам об этом надо еще подумать.

— Радиационное заражение уже достаточная причина, чтобы держать ее пока что под замком.

— Хорошо — Она потёрла лоб — Майлз, твой Округ вытягивает из человека все силы.

— Да, — вздохнул он, — знаю.

— Тебе удалось выяснить, как эта… э-э-э, стоянка смогла просуществовать так долго? — Он поморщился. — Мне придется хорошенько поговорить с моими лесничими — завтра, как только

я буду уверен, что узнал всю историю до конца. Это… практически проблема наследия, в нескольких смыслах сразу.

Взгромоздившись на край госпитальной койки, он побарабанил пальцами по обтянутому нетканкой бедру и продолжил:

— Граница зоны была всегда более проницаемой на деле, чем в теории. В первом поколении после разрушения Вашнуя множество людей, которые выжили на прилегающих землях, продолжали украдкой пробираться в свои дома. Специальной службы лесничества тогда еще не существовало, так что с ними попеременно имели дело окружные стражники, военная полиция с патрулями и деревенские старосты. Ни обитателям округа, ни представителям закона это дело не нравилось, к тому же приказ «Стреляйте в людей, чтобы они тут не погибли» логически несуразен, и это было ясно каждому. В какой-то момент даже предложили сжечь оставленные дома, чтобы люди туда не возвращались. Я бы назвал это предложение «радикально скандальным», да только в окрестностях Вашнуя у людей теперь появилось новое определение для слова «радикальный».

Катриона понимающе кивнула. Энрике напря-

женно слушал.

— Наконец Петр постановил, что любой человек старше шестидесяти может на эти земли вернуться — раз уж его невозможно от этого отговорить. Детям и молодым людям этого не позволялось.

Некоторое время поблизости от границ зоны образовалось довольно странное общество, состоящее сплошь из стариков.

— Проблема исчерпала себя — точнее, скончалась, если говорить с некоей жестокой точностью, — за несколько лет. Ну, десятилетий. У людей помоложе не было никаких воспоминаний о прежних местах и желания туда возвращаться. Плюс более разумное большинство не желало туда ехать ни за какие коврижки. К тому времени, когда в дело вступил я, эта фаза практически завершилась.

— Похоже, не до конца, — поправила Катриона.

— Ага, — грустно согласился Майлз. — Но это значит, что как бы эта история ни противоречила нынешним законам, если тут можно говорить о законах, но согласно установившимся обычаям стариков у границ зоны отчуждения оставляли в покое. И то позволение, что, по словам матушки

Рога, дал ей граф Петр, опирается на прецедент. Было не совсем, гм-м-м, бессмысленно со стороны нынешних рейнджеров считать, что ее в каком-то смысле поселил там лично мой дед, хотя она и задержалась там намного дольше, чем… предполагалось.

— Ей стоило бы уйти оттуда много лет назад, — сказала Катриона, припомнив мрачное кладбище за хижиной на сваях. Семнадцать лет назад, если не все тридцать. — И, может, спасти больше этих найденышей. Даже если она в своей изоляции этого не понимала, кто-то же должен был! Хотя на самом деле не похоже, чтобы она жила в полном неведении относительно новостей. Но она пыталась позаботиться о покинутых детях, спасти их. Лицемерием было бы ругать эту женщину за то, что она справлялась с этой задачей так себе, если никто другой даже не хотел взяться за нее. — Катриона нахмурилась, уставившись себе в колени. — Я думаю, не стоит ли нам провести для погребенных там тел идентификацию по ДНК.

— Я бы мог, — предложил Энрике. — И что вы с ними тогда сделаете?

— Сложный вопрос. Найти родителей, заставить их вторично пережить горе и испытать вину, когда уже, казалось бы, все давно кончено?

Кому это пойдёт на пользу, чего ради?

Майлз сделал жест, раскрыв обтянутую перчаткой ладонь — «да, понимаю, нет, не знаю решения».

Прошлое исправить нельзя, это возможно сделать только с настоящим.

— Что ты собираешься делать с Вадимом? — спросила она его.

На этот раз Майлз поморщился очень выразительно.

— Его необходимо уволить за то, что он нарушил все инструкции и предписания для своей должности.

Что заставляет меня чувствовать себя непорядочным. Так что, думаю, мы назовём это выходом в отставку по накоплению предельной дозы излучения, чего он никак не сможет опровергнуть, а потом, быть может, тихонько передадим его под крылышко Марку. Тот уж наверняка сумеет найти для него десяток различных занятий.

— От одного Форкосигана другому? — усмехнулась Катриона, в душе довольная. — От вас никак не сбежать?

— Компетентному человеку — нет. — Майлз пожал плечами, явно о том не сожалея. — А он такой и есть, только попал в жуткую «вилку».

Мне в этом деле нужно утешить свою совесть, и Вадим сойдет за подобное оправдание.

— А дойных коз мы аккуратно перевезли в новый загон на Жучином Ранчо, — подсказал Энрике. — На завтра уже заказан фургон лесничих для перевозки лошадей.

— О, отлично, — порадовалась Катриона. — Хоть что-то. Как полагаешь, ты сможешь задержаться перед уходом у палаты детей и рассказать им эти новости?

— Конечно. — Он помедлил. — Даже я способен понять, как много эти животные для них значат. Это дает определенную надежду.

Губы Катрионы дрогнули в улыбке.

— На что? На их… реабилитацию? Реинтеграцию? Второе слово подошло бы лучше, если бы они когда-либо прежде уже жили в нормальном обществе раньше. Действительно, их словно выдернули прямиком из Периода Изоляции и высадили здесь.

Она с некоторым сомнением подумала про Ядвигу. Борис, об этом было сказано вскользь, когда-то раньше рисковал выбираться в Округ, даже если после и сбежал обратно в зону. Ей нужно больше об этом узнать. Инги, кажется, в меру и молод, и сообразителен для хорошего

социального прогноза, но тут остается вопрос его внешности. Точнее, того, как ее воспримут другие мальчишки. Она из-под ресниц покосилась на Майлза.

— Я подумал, — начал Энрике, и Катриона навострила уши, — об этом старом бараке для работников, который стоит на задах Ранчо. После того как бумаги будут выправлены, он может послужить чем-то вроде временного дома для детей, пока они акклиматизируются к современному Барраяру. — Он не прибавил «Как бы он ни был плох», спасибо. — В лаборатории и вокруг нее найдется множество задач разной степени сложности. Бориса, возможно, удастся научить, а Инги совершенно точно это сможет.

— А Ядвига? Если она выйдет из больницы? — Пройдут дни, если не недели, пока врачи будут решать ее судьбу, и Катриона ничем не может этот процесс ускорить. В первый раз она ощутила такое же глубинное нетерпение, какое было свойственно Майлзу. Она строго напомнила себе, что для лечения радиационных поражений Хассадарская больница столь же хороша, как любое медучреждение на Барраяре, хотя бы потому, что Майлз не выпихнул ее саму отсюда в какое-нибудь более проверенное место.

— Разумеется, да, — оптимистично махнул рукой Энрике. — Если она может доить коз, она окажется способна и на любую другую ответственную работу. Может, не так быстро, как прочие, но Ранчо живет по своему собственному графику.

То ли Энрике сейчас ловко расширяет свою опытную коллекцию крупных млекопитающих, то ли его сердце тронуло, как искренне Ядвига радовалась жукам, а может, и то, и другое сразу. Важно ли это?

— Это может сработать. Или по крайней мере стоит попытаться.

— У Марсии найдется время на организацию домашнего обучения? И интерес к нему? — осторожно уточнил Майлз.

— У нас десятки служащих. Никто не говорит, что это все свалится на одного человека.

Ей представилась обнадёживающая картина. Ядвига и Борис в своего рода импровизированной уединённой мастерской, принятые на работу и способные этим гордиться, как любой самостоятельный человек. Об этой гордости Катриона знала все. А гибкость — самое главное для лаборатории. Она подозревала, что Инги способен на куда большее и под руководством Энрике сможет

понять, что именно ему под силу. Временный дом для мальчика-альбиноса может стать не целью, но стартовой площадкой.

Остается только одна… жертва, или злоумышленница, трудно сказать — может, даже виновница, — которой явно не возместили то, что она потеряла. Катриона выдохнула и спросила:

— А распространяется ли это приглашение на матушку Рога? Она не может вернуться обратно в зону отчуждения.

Энрике скривился: — Не думаю, что ей стоит оставаться с этими детьми, а ты как считаешь? После всего происшедшего?

— Я бы предположила, что это было временное помешательство, вызванное тем, что она была не в состоянии думать дальше самого ближайшего будущего, шире своего узкого горизонта, но… верно, что-то оказалось разрушено. И я не знаю, можно ли его починить.

Если ей будет оказано в реабилитации, а наказание окажется бесполезным, что тогда остается?

— Сейчас она изолирована из-за радиационного заражения — но его легко превратить в изолированное содержание за попытку убийства, — заметил Майлз.

— Порочный круг какой-то… Ох. — Действи-

тельно, Энрике же не слышал рассказ матушки о том, как она изначально оказалась в этом месте под собственным домашним арестом — а значит, Майлзу этого тоже никто не рассказал. Катриона распрямила плечи и пересказала им выжимку из ее краткого повествования, так что те самые детали, в которых дьявол, остались за пределами рассказа. Она не была уверена, что это помогло.

Майлз присвистнул под медицинской маской.

— Вот, значит, как.

Энрике так и остался в сомнениях: — Так что мне сказать этим детям?

Катриона помассировала ноющие виски.

— Сегодня вечером просто передай им, что ее лечат. Не думаю, что мы сможем распутать историю стольких лет за один час.

«А может, и вовсе не сможем». Матушка Рога была жительницей Округа до мозга своих «горячих» костей, но только она жила в эру графа Петра, а не его внука; он была реликтом мрачного сопротивления. Чем приспособиться к современному Хассадару, она скорее пустится в путь к своей любимой хижине пешком и там, ловко вернув себе статус зловещей местной легенды, будет пугать забредших к ней случайных туристов. Возможно, Борис даже будет не против навещать

там время от времени свою стареющую мать — почтительно, но осторожно. Разве сам граф Петр в свое время не уступил ее решительному напору? Может, старик первым сказал, что это правильно.

Энрике понимающе улыбнулся, пожелал Катриону быстрого выздоровления и удалился.

Она легко стиснула одетую в перчатку руку Майлза.

— А тебе нужно возвращаться домой к нашим собственным детям.

— Да. — Но пальцев он не разжал. И еще минуту они двое просидели так.

Катриона вздохнула.

— Интересно, это все заработает? — раздраженным жестом она включила в свой вопрос сразу все: и зону отчуждения, и проект с рад-жуками, и Округ, и слишком много десятилетий старой, доставшейся им в наследство истории.

Майлз издал приглушенный маской звук — даже не настоящий смешок.

— Будто это нас остановит от попыток!

Он выпустил ее пальцы и растер себе плечи — единственные узлы, с которыми он мог справиться так просто.

— Забавно. Петр к концу своей жизни смот-

рел на наш Округ и видел лишь то, насколько прекрасней стала эта земля. Вся нечеловеческая, изматывающая работа, которую он делал после войны, чтобы исправить ее последствия, теперь воспринималась как должное или просто была позабыта. А мы, напротив, оглядываемся и видим лишь то, насколько лучше мы можем Округ сделать. И он был прав, и мы.

Катриона усмехнулась: — Интересно, вся работа, которую сейчас делаем мы, будет так же предана забвению?

— «Вашнуй всегда был садом», так? — процитировал Майлз некоего воображаемого ребенка из будущего. — Останется ли победа победой без всеобщего признания?

— Ха. Добро пожаловать в мой мир, — поддразнила она его.

— А ты — в мой. Вижу, ты так и не убежала прочь с воплями, леди Форкосиган. Добрый знак.

— Я на карантине. Бежать отсюда медики не разрешают.

— Единственный плюс.

Она подтолкнула его в бедро, выпихивая с койки.

— Давай домой, Майлз. Скажи Никки, что я в порядке. И не взбаламуть близнецов, когда им

уже пора спать.

— Да, да. Я тебя тоже люблю. — Он склонился над нею и через маску ткнулся губами ей в лоб, а затем неохотно вышел из палаты. Уже в коридоре, сняв защитный костюм, он на секунду прижался к ее окну и помахал на прощание. Она замахала на него: «Кыш, кыш!» Роик преданно откозырял ей и повел своего лорда к выходу.

Оставшись одна, Катриона снова легла и наконец-то позволила проявиться своей усталости. Она попыталась — и не смогла — прокрутить в памяти все сегодняшние сумасшедшие события, подчеркнув каждую свою ошибку. Может, ей нужно освоить подход Энрике: регистрировать все отрицательные результаты так же ревностно и старательно, как и положительные, и постепенно учиться.

Да, следующее поколение рад-жуков должно быть более грубоватым, вроде жуков-навозников, сконструированных так, чтобы они могли зарываться в подпочву на манер шестиногих экскаваторов.

А еще они должны быть отвратительны на вкус. А вот стоит ли сохранять нынешнюю расцветку и свечение или нет? Была ли неудача первого эксперимента уникальным пиком на

графике или важным открытием?

Для начала ей нужно будет проанализировать вопрос эстетики и сделать обзор. «Ты можешь ошибаться, но в этом случае, по крайней мере, не ты один», — вспомнила она саркастическое замечание Майлза о пользе обзоров. А может, и нет. Столькими факторами сразу надо оперировать…

Когда она наконец заснула, ей снились сады из разноцветных движущихся огней, где в полной безопасности играли дети будущего с лицами неуловимыми, точно трепетание крыльев бабочки!